

ПАВЕЛ РЫКОВ

Биоценоз



Павел Рыков

Биоценоз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9748766

ISBN 978-5-4474-0848-0

Аннотация

Герой романа знает: чья-то смерть – повод для возникновения другой жизни. Он – учёный из числа тех, кого полунасмешливо называют иногда «ботаниками». Он изучает взаимодействие всего живого в окружающем мире. Но однажды в его личную жизнь вторгается смерть. Получится ли уйти от смерти? Вы сможете узнать, прочитав этот остросюжетный роман, наполненный любовью, чувственными наслаждениями и смертью.

Содержание

1	5
2	15
3	22
4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Биоценоз

Павел Рыков

© Павел Рыков, 2015

© Хендрик Гольциус, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1

Когда повезет – повезет во всем! Чартер оказался кстати. А ещё разговор, во время которого вспомнили про чартер и сладили отлет на день раньше, и значит, лететь можно, не перекакивая в столице из аэропорта в аэропорт, но напрямую. А еще донская, сладостная ущица, а еще водочка, да под разварных лещей, судачков и сазанчиков. Славно прямо руками доставать рыбу из глиняной миски, прикрытой вафельным полотенцем, дабы не стыла, да мухи не садились. А рыба присыпана мелко крошеной зеленью и отдаёт петрушечкой, сельдерюшечкой и молодым хрустким зеленым лучком. Да ко всему – раки! Но это – отдельная песня и сугубое блаженство, до которого надо дойти, преодолевая сытость. Тут следует отвалиться от дощатого, крытого зеленой клеёнкой стола возле рыбацкого домика, и уже не смотреть на ущицу, схватывающуюся дрожалкой на донышке тарелок. Ради раков следует встать и по траве подойти к Дону. Потом ступить на песок и почувствовать всем сводом стопы, как он податлив и горяч. И дальше – в донскую, зеленую, ласковую воду. А там, в воде тоже стол, но из красного пластика, а вокруг пяток пластиковых же стульев. А на столе – блюдо, а на блюде изрядная горка багряных раков. И раки все, как на подбор: плечистые и рукастые. Тут же, рядом в воде плавает контейнер с банками холоднейшего пива. Щёлк – вздёргивается язычок на банке. Пиво само пошло, дыбясь белой пенкой навстречу вашей жажде, которую только в этот момент и начинаете вы осознавать. А рак – вот он тут. Готов-готовешенек! Благоухает укропом, как молодой ухажер одеколоном. Пойдем, миленький! Можно начинать с шейки, но Сергей Константинович почему-то всегда любил начинать с головы. Да и на самом деле; как сладостно переломить рака пополам и прильнуть губами к разлому. Втянешь солоноватую, пряную юшку и следом холодное пиво из банки. А уж потом можно начинать очищать шейку, и не торопясь разжевывать белое мясо и разгрызать клешни, прихлебывая пиво. И в этот момент все, кто сидит за столом, замолкают и только слышно: «уф-уфлющу-уфлющу»

Боже ж ты мой! Боже ж ты мой! Зачем, зачем Ты даришь такие блаженные минуты, когда только дуракам не ясно, что минутам этим ведётся строжайший отсчет? И все понимают, что без отсчёта этого нельзя прожить на свете. Но кто и когда соглашался, что они, минуты эти, непременно должны быть учтены? Кто не противился осознанно или неосознанно такому крохоборству? Нет таких. Нет! И, что самое нестерпимое, рано или поздно всё, даже самое разблаженное, заканчивается. Заканчивается! А ты, чудак-человек, делаешь вид, что не замечаешь конца. И всё тщишься отдалить расставание; наслаждаешься послевкусьем ухи, растягиваешь ощущение блаженной сытости от нежнейшей сазанятинки, щуришься от блеска солнца, перекатывающегося в небе и отражающегося в донской воде, в которой ещё совсем недавно благоденствовали и ушлые судаки, и свободолюбивые лещи, и степенные сазаны, оказавшиеся в одночасье на столе. А вместе с ними благоденствовало, и на своё счастье продолжает благоденствовать, исключительно по малости своей, не оказавшееся на столе, неисчислимое множество разновеликой и разномастной живности, делающей воду в реке живой.

Всю дорогу от Ростова до родного города на борту чартерного АН-24 Сергей Константинович подрёмывал, вспоминая последний день командировки, когда его закадычный друг и оппонент по диссертационным делам Ванечка Мостовсков устроил поездку в устье Дона к знакомым инспекторам рыбоохраны. Вспоминать было что. Рыбный дух напоминал. Рядом на пустующем кресле лежал увесистый сверток с донским гостинцем – рыбой. Да не просто с рыбой – с рыбцом. Иван похохатывал: «Есть баба, а есть бабец! И есть рыба, а есть рыбец!» Незамысловатое это донское, казачье, лихословье выражало самую суть. Рыбца ни с какой другой рыбой спутать нельзя. Вот уж что значит – наособицу! И захочешь, да не спу-

таешь, коли попробовал разок. И вот теперь сверток с рыбой лежал рядом с ним в такси. И он ехал домой, потому что прилетел-таки. А развесёлые хлопчики-вахтовики, полетели, дозаправивши самолёт, на своем чартере в свой Когалым. А он ехал на такси домой и знал, что порадует Ксюшу рыбкой, ведь она всякому мясу предпочтет рыбу, да еще такую, как рыбац. Кстати сказать; рыбац-то она раньше и не отвеживала ещё.

Подъезжая к дому, Сергей Константинович, не сообщавший о своем прилете на день раньше, все же, перед самым домом не утерпел и решил позвонить жене. Мобильник вослед пальцу прочирикал номер. Заработал номероопределитель домашнего телефона. Пошли гудки вызова.

– Аллэ, – взяла трубку жена.

– Это я. Через пять минут буду дома.

– Через пять?! Ты же должен завтра... – В голосе жены чувствовалось сильное изумление.

– А я на чартере, подвернулся случай. Гостинец везу тебе вот. Догадайся, что. Сейчас пивка возьму только в «Пингвине». Тормозни-ка здесь, шеф!

Таксист притормозил у магазина, носившего во имя чего – неизвестно, антарктическое название.

– Так ты совсем рядом...

И жена повесила трубку.

Магазин был наискосок от их дома. Сергей Константинович долго выбирал полдюжины самых настуженных бутылок из наискровеннейшей глубины холодильного шкафа. Он уже достал бумажник, чтобы заплатить. Но тут вышла маленькая, копеечная, но заминка. Продавщица, она же кассир, схватив запевший мобильник, затараторила, затараторила по поводу какой-то Терезы и крабовых палочек, которые умерли своей смертью, а с неё спрашивают, а она что может поделат, когда холодильнику тоже пришла пора помират. И при этом она смотрела на Сергея Константиновича так, словно призывала его встать на её сторону в пререканиях с неизвестной собеседницей. Казалось бы, что ему эта Тереза и её крабовые палочки? Однако, пришлось ждать конца беседы и лишь затем расплатиться. Теперь полный комплект: дорожная сумка на плече, сверток с рыбой – в левой, в правой – пакет с пивом. Он наискосок, неспешно пересёк дорогу и вошел во двор дома через проходной подъезд, а не через арку со стороны Садовой. Дом был старый. Довоенной постройки. В народе его прозвали чекистским. Дело в том, что его достроили в тридцать седьмом году, для работников местного НКВД. Но уже к концу года многие ответственные квартиросъемщики отбыли не по своей воле из дома в известном направлении. Следом отбыли семьи – и пошло-поехало. Теперь, по прошествии многих и многих лет никого из сотрудников и даже потомков сотрудников свирепого ведомства среди жильцов не числилось. Народ теперь жил в доме пёстрый. Кое-какие квартиры, в том числе и в его подъезде, арендовали некие малопонятные фирмы под офисы. Но дом многие в просторечии всё ещё именовали чекистским. И даже молодёжь сопливая и та говаривала: «я из чекистского». А спроси про чекистов – и не знают толком, что это такое. Ну, и ладно. Зато дом был выстроен на славу. Закольцованная четырёхэтажка с квартирами прекрасной планировки и двором, посреди которого возвышалась будочка – наверхие вентсистемы бомбоубежища, имеющегося под домом.

Вокруг деревья – пять старых уже клёнов, на которые безуспешно пока покушаются жильцы-автовладельцы. Солнце ещё не поднялось столь высоко, чтобы захватить весь двор. Освещена только стена, где расположен его подъезд. Сергей Константинович отметил, что Гаркуша уже на посту, на своём балконе. Пьёт утренний чай. Гаркуша этот, сосед снизу – бывший председатель райисполкома – а ещё раньше моряк-черноморец. Он раненько утречком выходит, тяжело ступая, на балкон. Усаживается на разлатое кожаное кресло. Супруга выносит ему кружку чая со сливками и он, словно капитан на мостике, весь день командует

двором, переговариваясь с соседями, давая указания слесарям, занимающимся нескончаемым ремонтом отопительных труб, или просто посвистывает носом, пробуждаясь тут же, стоит завестись во дворе какой-то, по его мнению, полундре.

Сергей Константинович дошел до середины двора, до будочки вентсистемы. И тут металлическая дверь его подъезда отворилась, и на пороге показался мужчина в палево-м льняном костюме и притемнённых очках. Со скамейки, стоявшей напротив подъезда под клёном, поднялся парень, одетый не по—летнему, в коричневую кожаную куртку. На голове – темная бейсболка. Он вытянул руку с какой-то трубкой вперед, раздались негромкие щелчки и мужчина, дважды содрогнувшись, стал как-то странно присаживаться на корточки, а затем, сползая по двери, обмяк, завалившись на бок. Парень подошел поближе, еще раз вытянул руку, раздался еще один щелчок, и голова упавшего мужчины дернулась, а очки сбросило с лица

– Ты что же это, мерзавец, делаешь? Что, я тебя спрашиваю! – Гаркуша даже привстал со своего кресла.

Парень вытянул руку по направлению к балкону. Щелчок – Гаркуша плюхнулся в кресло и кружка, которую он держал в руке, упала на балконный настил и разбилась.

Сергей Константинович вдруг осознал, что он, оцепенев, сидит на корточках, прижавшись к бетонному боку будочки, видит, как убили двух людей и сказать ничего не может. Он даже не может разжать пальцы, сжимающие ручки двух сумок, в одной из которых рыбец, а в другой – пиво.

– Есть рыба, а есть рыбец, – зачем-то вспоминает он донскую шутку. И эти слова вертятся у него в сознании, хотя глаза видят, как парень бросает на траву под клёном свою трубочку, которая совсем даже не трубочка, а пистолет, на ходу сдирает с рук хирургические перчатки и, не оглядываясь по сторонам, поворачивает в арку, ведущую на Садовую.

– А-а-а! – завопила в этот момент Гаркушиха, выйдя на балкон с бутербродом для мужа. Она сразу увидела и разбившуюся кружку, и расплывающееся кровавое пятно на спине своего ненаглядного Гаркуши, который после выстрела осел в кресло, а следом начал клониться лицом вперед, словно силясь разглядеть продранные на больших пальцах ног любимые домашние шлёпанцы.

И тут только Сергей Константинович смог разжать пальцы рук, и вспомнил, что на боку, на брючном ремне у него кожаная кобура с телефоном. Он так же, оставаясь в нелепом своём полуприседе, поцарапал рукой клапан кобуры достал аппарат и начал долго сообщать – по какому же телефону звонить, чтобы приехали те, кому надо. И собственно говоря, кому надо? А Гаркушиха в это время, выпустив из руки тарелку с бутербродом и схвативши мужа за плечи, начала поднимать его, чтобы он сел в кресле ровно. Паренёк, той порой, вышел через арку на Садовую, спокойным шагом, вразвалочку, проследовал мимо двух мусорных контейнеров, и повернул, кажется, направо. Или налево? И это только потом милиция установит, что он пересек Садовую, сел в раздолбанную «копейку», за рулем которой находился некто в сильно черных очках, и они уехали, резво для такой авторухляди, газанув с места.

– Миша! Миша же, – бормотала Гаркушиха, тщетно пытаясь приподнять огрузневшее тело мужа, и вдруг закричала на весть двор. – Миша же!

Сергей Константинович вспомнил, что милиция – это «02», а затем – что двухзначный номер по сотовому не набирается, а уж только потом, что надо набирать шестизначный номер отделения милиции, который вдруг сам собой всплыл в памяти.

– Вас слушают, – ответил ему суховатый тенорок.

– У нас, у нас убили во дворе...

– Адрес?

– Да причём тут адрес! Двух сразу! Вы приезжайте, Его еще можно поймать

– Откуда вы звоните? – голос в трубке был уже вполне металлическим.

– Да что же вы! – Возмутился Сергей Константинович, – не понимаете что ли! Убили у нас двоих, на моих глазах. Здесь убили. Во дворе. В чекистском доме.

– На Садовой который?

– А я о чём говорю!

Сергею Константиновичу была оскорбительна бестолковость этого дежурного, когда двое были убиты, а убийца только что вышел из арки и еще мог быть рядом. «Киллер» – вспомнил он, наконец, слово, так полюбившееся киношникам и телеведущим, и вдруг осознал, что уже стоит на ногах. Сумки валяются на земле, и он – жив. А те – Гаркуша и мужчина у подъезда – мертвы. А он – жив.

Сергей Константинович поднял сумки с земли и с неуместной радостью убедился, что бутылки целы. На балконе причитала Гаркушиха:

– Убили – убили-убили! А-а-а-а!

Звук её голоса, усиленный коробкой двора, звучал подобно сирене, и Сергею Константиновичу захотелось заткнуть уши. А в окна квартир начали выглядывать соседи. Кто-то выбежал во двор из второго подъезда. Застукали балконные двери, и в этот момент во двор въехала сверкающая огнями серая милицейская «коробочка», а со стороны проходного подъезда четверо или пятеро в штатском, но явно милицейские. А Сергей Константинович всё еще стоял около оголовка вентсистемы, не трогаясь с места, хотя надо было уходить, идти домой. Он обнаружил, что его джинсы мокры в паху и штанина также мокра.

– Боже ж ты мой! – вроде бы вслух сказал Сергей Константинович, – да я же в штаны напузырил!

И он теперь уже кожей ноги ощутил влажность штанины. Надо было уходить – срам, да и только! Но уйти было нельзя. Потому что, у двери подъезда лежал труп, а вбежавшие через проходной подъезд, уже направлялись к нему.

– Вы? – спросил его один из штатских.

– Он туда, туда. – повторял Сергей Константинович, подбородком указывая милицейскому на арку. А сам приподнял перед собой сумки с пивом и рыбцом, чтобы хоть как-то прикрыть мокрое пятно на брюках.

– А-а, Убили! Гаркуша ты мой, Гаркушенька! – причитала Гаркушиха с балкона.

Теперь уже казалось, что весь дом высыпал во двор. И люди образовали некое полукольцо, в центре которого был оголовок вентсистемы со стоявшим возе него Сергеем Константинович. Дальше шла трава газона, скамейка, на которой высиживал свою жертву убийца, дальше труп и около трупа, привалившегося к двери подъезда, милицейские в форме и без. А над всем этим мертвый Гаркуша и Гаркушиха, у которой враз сел голос и она там, рядом с мёртвым мужем причитала теперь уже хрипло и еле слышно: «Гаркуша ты мой, Гаркушенька!»

– Куртка у него кожаная вроде бы. Коричневая. – пояснял милицейскому Сергей Константинович, прикрывая свой срам сумками. —И он раз, два, три. четыре и пошел, пошел... Знаете ли, так спокойно.

– А вы?

– А я – вот... он не заметил, а то бы и меня, как Гаркушу, – говорил Сергей Константинович, краем глаза отмечая вспышки фотоаппарата около трупа и там, где валялись пистолет и перчатки. И оглянувшись, он увидел, что, оказывается, во двор въехала бело-синяя «Газель» с надписью «Криминалистическая лаборатория» и следом просунулась машина скорой помощи. И это, казалось, произошло почти мгновенно после его звонка, хотя на самом деле времени прошло уже порядочно, а он всё ещё стоял в мокрых джинсах, прикрываясь сумками и отвечая на вопросы круглолицего милицейского, к которому другие обращались то по имени– отчеству, то по званию: «товарищ подполковник».

– Так я пошел домой...

– Ага! – милицейский вроде бы заметил конфузный вид Сергея Константиновича. –

Вы здесь проживаете.

– Так в этом вот самом подъезде. Иду я домой... Понимаете?

– Откуда идёте?

– Из аэропорта же..

– Вы там работаете?

– Ну, зачем! Зачем! Видите, прилетел. Вот, видите?

На ремне дорожной сумки, висевшей на плече, белело регистрационное колечко ростовского аэропорта. Милицейский зачем-то потрогал колечко.

– И...

– Я пива взял, – Сергей Константинович тряхнул сумкой и зачем-то подумал, что пиво греется. – Взял и иду. А тут, понимаете, на моих глазах...

– Понимаю, понимаю... Уразов! Вы дали сигнал «перехват»?

– Так точно, товарищ подполковник. – темноглазый и чернолицый капитан, и без того стройный и подтянутый, козырнул, отвечая, и еще более подобрался, вытягиваясь по стойке смирно. – Их двое было. На «копейке». Сели и поехали в сторону Завьяловской рощи. Дворничиха заметила.

– Э... – как-то безнадежно даже махнул рукой милицейский, – ищите теперь эту «копейку» где-нибудь в курмыше. Бросили они её. Тут профессионалы работали.

– Так точно, товарищ подполковник, – как-то даже радостно согласился Уразов. «Макар» с глушителем. Сбросил.

– Заказное. Ну, пойдёте, – подполковник рукой указал путь Сергею Константиновичу к подъезду и продолжил, – Значит, лица стрелявшего вы не разглядели?

– Он же ко мне спиной... – начал объяснять Сергей Константинович.

– Это понятно, что спиной, – согласился милицейский

Труп всё ещё лежал около двери. Но рядом уже стояли носилки. На балконе около мертвого Гаркуши толклись трое в штатском, а взрыдывавшую Гаркушиху врач, взявши под локоток, выводил с балкона в квартиру. Всё это Сергей Константинович видел и как бы не видел, воспринимая как нечто такое, к чему невозможно иметь касательства. Потому что на самом деле этого просто нет. Нет этих солнечных пятен на стене дома. Нет двери, из которой вышел убитый, нет лежащего тела с кровавым пятном во всю грудь, всё ещё свежевлажнеющего на белой сорочке и палевом льняном пиджаке. И до мертвых уже волос короткой стрижки убитого. И до белого, в красной оторочке, мозгового вещества, полувывтекшего из черепа через огромное выходное пулевое отверстие в затылке.

– Вы его знаете, – в голосе подполковника сквозила некая полуутвердительная интонация.

– Нет, откуда? – Сказал Сергей Константинович, не желая смотреть на мертвое лицо и в то же самое время, словно бы припадая взглядом к простреленному виску, переносице, полузакрытым глаза мертвеца и глубокой ямочке на подбородке. – Никогда не видел. Никогда, – уже совсем убежденно ответил он. И уже ответив, подумал, что где-то, когда-то он, кажется, видел это лицо, эту ямочку, именно вот эту ямочку. – Нет-нет, – повторил он, – не видел никогда.

– Значит, он не из вашего подъезда, – в голосе подполковника звучало некоторое разочарование. – Не из вашего?

– Я бы знал... Хотя, у нас тут на первом этаже какая-то контора тихая. Может, оттуда?

На первом этаже, действительно, с некоторых пор обосновалась какая-то контора, тихая до невозможности. Ходили конторские неслышно, было их мало. И посетителей было

немного. Конторские сразу же принялись устанавливать в подъезде дверь с кодовым замком. Дверь установили, но кодовый замок ещё не работал.

В это время к ним скорым шагом подошел толстый майор в синей милицейской рубашке с не сходящимся на шее воротом и заношенных брюках, сползающих с толстого живота:

– Участковый, товарищ подполковник, Саврасов, товарищ подполковник, прибыл, тасазать, на место происшествия.

– Что же за художества у тебя, Саврасов, на участке? Людей бьют, как куропаток. А ты где-то прохлаждаешься.

– Так точно, товарищ подполковник. Я не прохлаждаюсь, сидел как раз, справку писал. Отчетность, товарищ подполковник зае.. Это самое... то есть, много писанины.

– Твой? – Подполковник указал на убитого.

Саврасов внимательно взгляделся в лицо убитого: « На моём таких нет»

В это время во двор вошли еще трое в штатском.

– Константин Васильевич, – обратился один из милицейских к подполковнику, – прокуратура прибыла.

– Вы идите, – сказал подполковник Сергею Константиновичу, – вам, правда, с дороги переодеться надо. У вас какая квартира?

– Мы на третьем, у нас окна на Садовую.

– Я знаю, они в какой, они в этой... Там раньше две семьи жило, такая сканадалёзная была квартирочка, – ввязался в разговор Саврасов и вытер мятым платком обильно вспотевший мясистый свой загривок.

– Рыбкой припахивает, – заметил подполковник.

– Рыбец, знаете? Из Ростова привез.

– А, ха-ха-ха! – засмеялся подполковник. – Есть баба, а есть бабеч... Знаю, знаю..

И на самом деле, смешна была эта ростовская прибаутка. Вот и подполковнику смешно. Сергей Константинович поднялся к себе на третий и позвонил в дверь «своим» звонком. Жена открывать не шла. Он позвонил ещё и только потом забелесовател изнутри глазок на двери, щелкнул засов, и Сергей Константинович мимо жены шагнул в квартиру.

– Ты что? – спросила жена. – Что с тобой?

– Ты не слышала?!

– Ой, Серенький, ты позвонил, – Ксюша придерживала на груди разрез ночнушки, – а я опять задремала, сладко так...

– У меня на глазах, понимаешь, у меня на глазах только что... Гаркушу на балконе и какого-то мужика прямо у подъезда. Убили,

– Погоди, погоди, – глаза Ксюши, и без того большие, совсем округлились. Как это Гаркушу? И какого мужика?

– Ты представляешь: я иду себе через двор. Несу пиво. И вдруг он встает со скамейки и два раза в мужика, потом мужику в голову, а потом в Гаркушу, который закричал.

– Кто? Какого мужика?

– Да, из нашего подъезда выходил мужик, а его этот, видно, подждал. Киллер. И он в него два раза, а потом в голову. Как в кино. А Гаркуша закричал. И он тогда в Гаркушу. И убил. С глушителем. Представляешь, нашего Гаркушу! На моих глазах. Пройди я ещё пять шагов, он и меня бы так же....

– А что за мужик-то?

– Какой-то, не знаю. Стрижен коротко. Я и милицию вызвал. Полный двор уже. А сам, видишь: полны штаны

– Боже мой, Боже мой, – сказала Ксюша, – Боже мой, Боже мой!

Сергей Константинович помнил, как в пятом классе его заподозрили в ябедничестве и Валёк, Брыскин и Малёванный от имени класса должны были его бить – такое решение

принял класс. Он знал об этом решении и понимал, что ничего изменить нельзя. Он даже сам начинал уже верить в своё ябедничество. А может, оно и было, это ябедничество, потому что когда Англикоза спросила у класса: «Где классный журнал?», Сергей непроизвольно скосил взгляд на второй ряд. Там за второй партой в гордом одиночестве стоял второкурсник Грицко Малёванный. И Англикоза тонко и пронзительно закричала «А-а-а! Малёванный! Мы тебя выкинем из школы! С волчьим билетом, Малёванный! С волчьим билетом!». И вот теперь надо было идти и получать за свое ябедничество. И он отправился обычной своей дорогой, поворачивая за школу, через школьный стадион, пролез через дыру в заборе, и там за забором стоял класс, и Ленка Шерстобитова тоже стояла, а впереди троица, которая должна была мутузить ябедника. И когда он увидел класс, троицу и Ленку Шерстобитову, Ленку, которая также стояла и с любопытством смотрела на Сергея, он вдруг почувствовал нестерпимое желание пописать тут же, немедленно. Но он сдержался и только когда его ударил Брыскин, ударил сильно, а потом стукнул по скуле его лучший друг Валёк, он понял, что не в силах сдержаться. Малёванный стукнул только один раз и на удивление не сильно. И тут кто-то из одноклассников сказал: «да он ссыт со страху». И все засмеялись. И Малёванный засмеялся и Ленка Шерстобитова... Нет, она не засмеялась, а отвернулась конфузливо, и класс, стоявший полукруглой стеной, стал распадаться и все как-то сразу разошлись. Остался только друг Валёк, с самого первого класса друг, он и довел, рыдавшего от нестерпимого унижения, Сергея до дома.

– И этого... мужчину прямо при тебе? – в глаза у Ксюши было столько ужаса...

– Да! Прямо при мне, на моих глазах. Представляешь? Я во двор вошел и иду как раз мимо будки, от убежища которая. И тут наша дверь открывается. Этот выходит, а тот: раз, раз, раз, а Гаркуша кричит, он его – раз, и спокойно так, как в кино, в арку. А я, вот видишь:

Сергей Константинович рассказывал, а сам расстегивал ремень на джинсах. Расстегнутые джинсы сами собой сползли по ногам и он, переступая, вытащил ноги из штанин и остался в одних трусах, пропитанных мочой.

– Видишь, – сказал он, – видишь?

– И этот... человек? Он что же, ничего и не сказал? И не крикнул? Просто раз – и всё?

– Только Гаркуша закричал вроде того: «Что ты делаешь». А я – прямо оцепенел.

– А тот?

– А что тот? Что? Он только вышел, и сразу два раза в него стрельнули. Да тихо так, с глушителем. – Сергей Константинович попытался воспроизвести звук выстрела из пистолета, но не смог. – И я, представляешь, присел, видно инстинктивно. А тот с пистолетом меня не заметил. а того ещё раз в голову. А то бы и меня. Только вот... – и Сергей Константинович показал руками на свои мокрые трусы.

– О, Господи! – сказала Ксюша, – ужас-то какой!

– Конечно ужас. Взрослый мужик и тут такой конфуз.

– Ужас-то какой, продолжала Ксюша, – Вот так идешь, а тебя раз – и убили. Куда он ему попал? Этот? Убийца?

– Гаркуше – в сердце, наверное. А тому – в грудь два раза, и потом в голову, в висок.

– Ужас, какой, Серёжа! – Ксюша положила руки на плечи Сергею Павловичу, стоявшему перед ней в мокрых трусах, и прижалась всем телом.

– Да я и не испугался. А как-то странно... Будто по телевизору смотришь. И всё равно – такой конфуз.

– Что же теперь будет, что будет... – Она ощутила сквозь батист ночнушки его влажные трусы и отстранилась, – Дай я их сниму. – И она присела, и стянула трусы с Сергея Константиновича. – Ну, давай, давай. Подумаешь, беда! Я их сейчас в машину. И ты, дурачок глупенький, испугался. И она поцеловала, осторожно так, его влажный, сморщенный член.

И вдруг Сергей Константинович почувствовал бешенное, нестерпимое желание. Такое же, как в первый раз.

Тогда они с учительницей рисования отправились на левитановский урок в осенний лес. Сперва все слушали Римму Ивановну – совсем молоденькую учительницу рисования, и Сергей заслушивался рассказом, разглядывая осень на картине, и с изумлением понимая, что художник с такой чудной фамилией увидел то, что он, Серёжа видел и как бы не видел вокруг себя. Сергей слушал Римму Ивановну со все более возрастающим возбуждением. Завораживали её блестящие карие глаза. А она говорила так, будто ему одному рассказывая о художнике, о желтых березках над рекой, о прохладной уже воде... Потом все разбрелись по лесу. Сергей забрел, наверное, дальше всех. Со времени той давней казни ни за что, он дичился одноклассников. Сверстники были назойливо шумливы и неинтересны. Одноклассницы манерничали и много воображали. А Ленка Шерстобитова всю форсилу с парнем старше её из другой школы. Ему было проще часами проводить время наедине с лесом, пошумливающим от порывов ветра, или наблюдать за речной водой, ударяющей в рыжий, обрывистый берег, или же рассматривать желтовато – зелёные пятна цветущей ряски по окраинам старицы. Он мог часами слушать безумствующих лягушек, выглядывая их среди камышинок, и смотреть, как надуваются пузырьки лягушачьих резонаторов, или догонять взором скороходов-водомеров, торопливо перечёркивающих крест-накрест зеленоватую изнутри воду.

Он прошел сквозь молодой осинник, уже изрядно пообдерганный осенним ветерком, спустился в овражек и тут краем глаза ощутил справа от себя некий след движения. Повернувшись, он увидел спину, обтянутую красной кофтой и понял, что это Римма Ивановна. Она была одна и Сергея, скорее всего, не заметила. Зайдя за куст шиповника, усыпанный наспевшими красными ягодами, она быстро приподняла юбку и, приспустив трусы, присела. Сергей замер. Сердце у него заколотилось так, словно запрыгало по всей груди. Римма Ивановна ему нравилась. Иногда он думал о ней, как о женщине, хотя и не понимал толком, что это значит: думать, как о женщине и что такое вообще женщина. Тем временем Римма Ивановна встала с корточек. Трусы были приспущены, а юбку она придерживала руками, и Сергей видел её белые ноги, синие трусики и выше – там – треугольник тёмно-русых волос. И вдруг она встретилась глазами со смотрящим на неё Сергеем.

– Серёжа, – тихо сказала она, не опуская собранную в складки юбку. – Ты подсматриваешь за мной?

– Нет-нет, Римма Ивановна... Я случайно, простите.

– Подсматриваешь, мальчик, подсматриваешь. Иди-ка сюда ко мне.

Сергей, не сводя с Риммы Ивановны глаз, начал подниматься из овражка к кусту шиповника.

– Иди, – словно бы поощряла она его, – иди ко мне. Иди, – повторяла она, не опуская юбки.

Теперь она была совсем рядом.

– Видишь? – Спросила Римма Ивановна, – всё видишь?

Сергей только мотнул головой утвердительно, потому что ничего не видел да и сказать не смог бы сейчас из-за пересохшего от волнения рта.

– Ну, теперь давай и я посмотрю.

Она подтянула одеревеневшего Сергея за плечо к себе близко и, отпустив подол юбки, дернула вниз бегунок молнии на брюках.

– О! – сказала она. – Да ты уже большой. Ты уже большой? -повторила она с полувопросительной интонацией.

Сергей опять утвердительно дернул головой.

Учительница придерживала рукой его чуть выгнувшийся от напряжения член, который сама и выпростала из под тугой резинки Сережиных трусов. И вдруг стала приседать перед ним на корточки.

Сергей увидел сверху темно-русые волосы, разделенные надвое пробором, и что-то попытался промямлить. Но тут Римма Ивановна оттянула кожу и легонько так, самым кончиком языка прикоснулась к головке. Сладкая, томительная боль пронизала Сережино тело, всё его существо. Он даже, кажется, застонал, и в этот момент первый в его жизни плевочек спермы ударил в губы и полуоткрытый рот Риммы Ивановны.

– Ты торопишься, мальчик, – только и проговорила она каким-то нутряным голосом, которым никогда не говорила на уроках. – Ах, ты торопишься...

Серёжу била мелкая, неостановимая дрожь, а Римма Ивановна села на жухлую уже, осенью битую траву, глаза её были закрыты, и она дышала тяжело и даже чуть постанывала.

– Я вас обидел, обидел? – испугался Серёжа.

– Ну что ты, Серёженька, что ты, – сказала Римма Ивановна, поднимаясь с земли. – Ты, умничка, мой мальчик. Умничка.

– Вам плохо?

– Мне с тобой хорошо, Серёженька, – говорила Римма Ивановна, поправляя на себе одежду. – Только ты не скажешь никому ничего. Ладно? Ты же не скажешь? Ты же мужчина, умеешь никому ничего не говорить?

– Да, – сказал Серёжа, – я умею.

Потом Серёжа примерно с полгода ходил домой к Римме Ивановне на дополнительные уроки рисования в её двухкомнатную хрущёвку, где она жила с парализованной матерью.

– Римма, – густым и необычным, при её немощи, басом провозглашала из спальни мать, – Это Серёжа? Накорми его сырниками, что ты давеча стряпала, и чаю налей.

И они шли в крохотную кухню, на которой умещались всего-то: стол, старенький холодильник и газовая плита, впритирку к раковине. Римма Ивановна чуть добавляла громкости в репродукторе, усаживала Серёжу на единственный стул и вставала перед ним на колени. Или сама усаживалась на стул и раздвигала колени, расстегнувши пуговицы бязевого халата., Серёжа очень скоро научился не стесняться, и не торопиться. Он покорно, сначала стыдась, а потом со всё возрастающим удовольствием выучился делать всё то, что доводило Римму Ивановну до обморочного, как ему казалось вначале, состояния. Потом они пили чай. А потом рисовали вместе то кувшин, то бликующий на солнце электрический чайник, то ещё что-то из домашней утвари. А иногда срисовывали из учебников портреты учёных. Кстати, рисовать их было легко, потому что в древности учёные бород не брили. И это означало, что над нижней частью лица – губами и подбородком можно было не напрягаться. Так они и рисовали остаток осени и почти всю зиму. В ход шли и цветные карандаши, и акварель, и гуашь. Кстати, навыки рисования потом сильно помогли ему в армии. Почти весь срок службы после учебки он просидел в клубе, тиражируя портреты бородатых вождей мирового пролетариата и гладковыбритые физиономии руководителей партии и правительства для всей гвардейской мотострелковой дивизии. А ещё – портрет славного римского полководца и императора Юлия Цезаря для комнаты отдыха в кабинете комдива товарища полковника Недыбайло Остапа Нестеровича. И ещё для товарища замполита полка товарища майора Низаметдинова портрет поэта Омара Хайяма. Но это под большим секретом и лично товарищу замполиту домой.

Однажды Сережа заболел тяжелой ангиной с осложнением, и даже попал в больницу, и проболел долго. А когда появился в школе, узнал от друга Валька, что Римма Ивановна из школы ушла. – Совсем. Потому что у неё мать умерла, и – ура-ура! – уехала Композиция куда-то из города.

У Риммы Ивановны было любимое словечко: композиция, ставшее прозвищем. Он отправился к её, красного кирпича, пятиэтажке. Постоял около дома, посмотрел на окна с чужими уже занавесками. Поднялся на площадку, потоптался у двери квартиры. За дверью было тихо. Он повернулся и побрёл домой, похрустывая ботинками по легкому льду весенних проталин, прихваченных ночным морозцем.

2

Когда он вышел из ванной комнаты, где добрые полчаса стоял под обжигающим душем, после неожиданной для обоих, ошеломительной, неистовой близости с женой, увидел: на кухне за столом сидит немолодой уже мужчина в какой-то анекдотически пестрой рубахе, которая вся-вся разрисована меленькими попугайчиками. Жена сидела напротив, словно бы вдавившись в серебряный бок холодильник, стоявший у неё за спиной:

– Это к нам... к тебе...

– Богодухов, – представился, привставая человек, и выставил перед собой удостоверение с фотографией, на которой он был снят в форме. – Игнат Пантелеймонович. Следователь прокуратуры по особо важным делам. Решил к вам по горячим следам.

Тут только Сергей Константинович сообразил, что, собственно, не одет совсем, только махровое полотенце вокруг бёдер:

– Вы извините, я из-под душа, сейчас оденусь.

– Ничего, ничего, – замахал руками Богодухов, – Я и сам с дачи, как был, так и приехал. Одевайтесь, а я тут с Ксенией Валерьевной побалакаю.

– Ты бы чаю... товарищу...

– Не откажусь, не откажусь. От чая отказываться не по-русски!

Сергей Константинович пошёл в спальню, достал из комода трусы, снял с вешалки полотняные летние брюки и надел майку, на которой было написано: «ANAPA FOREVER». Потом подумал и решил, что такая надпись неуместна. Снял майку, надел тенниску, заодно пригладив мокрые волосы массажной щёткой жены, и вернулся на кухню.

– Да я понимаю, понимаю, понимаю, понимаю, – тенорочком выпевал Игнат Пантелеймонович, – как не понять? Мы же не звери. Все думают, что если в погонах, то и зверь. Мы, как чайник. Вы кнопочку нажали – он и закипел. А без кнопочки чайник – холодная субстанция. Так и мы: свершилось – начинаем работать, так сказать, закипать. А так – такие же люди. Мы с женой в театр ходим, ни одной премьеры не пропустили. Вы ходите?

– Супруга у меня не театралка, – ответил Сергей Константинович.

– Зря-зря-зря-зря, – не без укоризны в голосе пропел следователь. – Приходишь, садишься в кресло, и представьте, два часа удовольствия. Мы всё больше комедии ходить любим. А у нас в театре, что ни премьеры, всё комедия. И даже если печальное ставят, всё равно смешно. И опять же: супруге есть, где наряды свои показать. Так значит, – продолжил Игнат Пантелеймонович, обращаясь к жене, – ничего вы не слышали?

Сергей Константинович по окаменевшей спине жены, накладывавшей варенье в вазочку, понял, что разговор очень её волнует. Да и понятно: кому приятно, когда за столом на кухне сидит некий казённый человек по казенной же надобности и задаёт вопросы, на которые отвечать совсем не хочется.

– Двери у нас двойные. Сами видите. Да и спала она. Я дважды звонил, – сухо ответил за жену Сергей Константинович.

– Вот-вот! – Подхватил Богодухов, как бы не замечая напряжённости в разговоре. – Примета времени. Двойные двери, Замки, сигнализация. Решётки на окнах. Живём, друг от дружки отгородясь. Что у соседа делается, не знаем. И у кого бы это застреленный мог в подъезде вашем быть? – и к кому конкретно не адресуясь, спросил следователь и без паузы продолжил. – А чай у вас, хозяйюшка, преотменнейший. И на варенье вы мастерица. Люблю, грешник, сладенькое, хотя жена за фигуру поругивает. Земляничка, словно только собрана. Ар-ромат! М-м-м! Так вы, говорят, по учёной части? – Обратился он уже к Сергею Константиновичу. – Я и сам, было, пошёл по учёной части, начал материал для диссертации собирать, да разве с канальской этой работой выберешь время для науки!

– Муж у меня директор Лаборатории Биоценозов Академии наук. Доктор биологических наук, профессор! – Не без вызова в голосе произнесла Ксения.

– Высоко, высоко, – мне сроду не дотянуться. Дай бы бог кандидатскую дошкрябать, – с показным, несколько комичным смирением произнёс Богодухов и даже голову в плечи втянул. И тут же продолжил. – А биоценоз – это, стало быть, что?

Пришлось Сергею Константиновичу прочесть маленькую лекцию, для старшеклассников, о том, что окружающий мир – это взаимосвязанная совокупность живого и неживого. Рассказал, чем значимы трансформации биоценозов, вызванные деятельностью человека, а также изменениями климата на планете. Богодухов слушал весьма внимательно, и даже чай прекратил прихлёбывать. А вывод из услышанного сделал такой, что даже улыбнуться захотелось:

– Занятно, – заметил он. – Всё, как у людей. Что бы, скажем, мы делали без преступников? А они без нас? Занятно! Так, значит, прилетели вы сегодня...

Во время «лекции» Ксюша безучастно сидела на стуле, слушая и, как казалось, не слыша, что говорил муж. А Сергей Константинович подробно начал рассказывать, как он летел на чартере с вахтовиками, как они ему предлагали выпить за компанию, как прилетели, как он ехал и заехал в магазин, взял пива, и всю историю во дворе, со всеми подробностями, включая постыдную. Во время рассказа жена вышла из кухни, но Сергей Константинович чувствовал, что она из глубины квартиры внимательно вслушивается в его рассказ. И когда дошёл до подробностей первой смерти, услышал, как что-то упало на пол. Он вышел из кухни, и запах лекарства привёл его в спальню. Пахло валокордином. Жена в последние месяцы слишком часто пила валокордин и ещё какие-то таблетки, объясняя это начинающимися возрастными женскими проблемами. Она сидела на кровати, закрыв лицо ладонями, а на полу перед ней валялись пузырёк валокордина и стакан, жидкость из которого разлилась на палас.

– Пусть он уйдёт, – сказала она тихо, сквозь всхлипывания, и вдруг закричала, – пусть он уйдёт! Потом, потом! Всё потом! Не могу. Пусть уходит!

Сергей Константинович пошёл на кухню. Следователь Богодухов уже встал из-за стола:

– Понимаю, понимаю. Женская психика... – сказал он, вытирая платком густо вспотевший лоб. И добавил с полувопросительной интонацией: – Любит она вас? Видно, что любит. Так я пошёл, но мы ещё встретимся. Надо всё на бумаге закрепить. – И он вышел.

Сергей Константинович, прежде чем затворить дверь, посмотрел на толстую спину следователя Богодухова и прилипших к потной спине бесчисленных попугайчиков. Да и то сказать, жаркий выдался денёк.

Однако, нужно было взять себя в руки и жену вывести из того состояния, в котором она пребывала. Сергей Константинович пошёл в спальню. Ксюша лежала поверх одеяла на постели с закрытыми глазами. Видно было, что она всплакнула.

– Пойдём, чайку...

– Иди, иди, я полежу.

– Да ладно тебе, – сказал Сергей Константинович, присаживаясь на краешек кровати. – Чего ты завелась? Я – то живой. Страшно, конечно, было. Но теперь всё позади.

Жена молчала.

– И вопросы эти дурацкие кончатся. Им же надо свидетелей опросить. Сама посуди: два трупа за раз. А Гаркушу жалко. Такой дед расчудесный. Я его только хотел окликнуть и вот тебе на!

Жена молчала, и только слёзы заскользили из закрытых глаз.

– Ну, хорошо, хорошо, не стану тебя тревожить. Ты капли-то выпила?

Жена молча двинула головой. Не поймёшь, да или нет.

Как по-доброму начинался день, каким замечательным он мог стать, а теперь ясно, что ничего хорошего ждать не приходится. Тем более, эта истерика, а это истерика несомненно... В последнее время смены настроения у жены начинали серьёзно утомлять Сергея Константиновича. Вернее, не утомлять, а выводить из равновесия и даже мешать размеренному поступательному движению мысли, его сосредоточенности на исследованиях и размышлениях о ходе исследований и результатах поиска. Иногда под вечер, а иногда и с утра накатывало на неё такое, словно погода в межсезонье, когда, то солнце во всё небо, то разом дождь. И без видимых причин. Или причины эти были ему неведомы и связаны с Ксюшиной работой, и тамошной, на работе, жизнью. Но с другой стороны, работа у жены сидячая, конторская. Главбуху эмоции зачем? Гоняя себе циферки со статьи на статью. Цифры – не люди. И даже не мелкая живность из водоёма, хотя в чём-то схожесть имеется. Не галдят, прибавки к жалованию не просят, выстраиваются по порядку, одна за другой. В лаборатории Сергей Константинович имел, как директор, дело с бухгалтерскими отчётами. Но сама скудность бюджетного финансирования делала эти отчёты простыми до изумления. На зарплату денег ещё давали, а на всё остальное – шиш! Живи, как знаешь. Они и жили на отшибе от головной структуры. А между тем, в лаборатории за последнее: десятилетие две докторские, три кандидатские, монографии, книги, атласы, приглашения за рубеж на симпозиумы с докладами – разумная и содержательная жизнь. И стремление подзаработать также наличествовало. Не подумайте, что на какие-то побрякушки или излишества, а на самое житейское и необходимое: на посуду лабораторную, имеющую обыкновение биться, на химикаты, на картриджи, будь они неладны! А тут истерики и некие недомогания по галантерейной части... Но сегодняшняя близость изумила его. Словно в молодости, когда они только поженились. Кто бы мог подумать, что она возможна? Сергей Константинович давно уже ни о чём таком и не предполагал. Да, предполагала ли она? То, что перепадало изредка, следовало отнести, скорее, к супружескому тяглу. Да и то, чаще всего было после похода в гости или в ресторан. Сам он пил мало и довольно не заинтересованно. Потому что слишком ценил ясность ума, а Ксюша последнее время припадала к рюмочке, но ума не теряла. Выпитое действовало на неё скорее растормаживающее. Выпьет, и будто пуговичка некая расстёгнётся. Вдруг начинает дурачиться, поддразнивать его, будто в молодости, когда они только познакомились и только узнавали друг друга. Но теперь чего уж узнавать – всё, кажется, известно. Но самое главное – всё известно о самом себе. И они, будучи наедине, занимались обычно тем, к чему привыкли за двадцатитрехлетие супружества. Совершали некие физиологические отправления, семяизвержение ради семяизвержения. Ксюша же во время близости, словно о чём-то вспоминала, думала какую-то думку. Лёжа, смотрела в потолок, и только раздувавшиеся ноздри и глухое подстанывание выдавали внутреннее напряжение и подкатывающую страсть. Хотя не факт, что заканчивалось так, как должно было заканчиваться. Их, женщин не поймёшь. Впрочем, всё случилось быстро, она торопилась в ванную, а он на кухню выпить остывшего чая и полистать академический журнал. А иногда, совсем даже некстати, вспоминал учительницу рисования.

В дверь позвонили. Сергей Константинович щёлкнул задвижкой. На площадке стоял высоченный и худющий телеоператор с камерой на плече. А рядом некое юное создание женского пола с дёргающимся лицом. Юное создание затараторило:

– Телеканал «Омега» Варвара Лисицкая. Вы расскажете нам про убийство? Только, пожалуйста, никому, кроме нас. – И она сунула ему под нос микрофон размером и цветом шибавший на свёклу средних размеров с нарисованной на свёкле буквой греческого алфавита.

Сергей Константинович на момент потерял дар речи. Он был профессором, доктором наук, его работы знали в Польше, Англии, ему писали коллеги из Швеции. Его цитировали. Он являлся автором полутора десятков книг по биоценозам водоёмов лесостепной

зоны европейской части России. Но никогда до этого ни в какую телевизионную голову не приходило навести на него объектив. А тут – нате вам! У него пытались взять интервью, и по какому поводу!

– Я не стану говорить.

– Вы боитесь мести убийцы? – настырничала Варвара.

– Мне нечего сказать по этому поводу.

– Ну, вы же поймите, мы по телевизору вас покажем!

– Спасибо, не надо.

– Жаль-жаль! – Варвара повернулась к оператору. – Ты снимал Стасик?

– Нет. Ты же не сказала... – басом, неожиданно густым для такого тщедушного тела, начал оправдываться явно оплошавший Стасик.

– Эх... – сказала Варвара. – И лицо её передёрнулось. – Ну, ничего. Не хотите – не надо.

Я тогда стенд-ап перед дверью сделаю. Так даже круче будет.

Сергей Константинович закрыл дверь, и стал посматривать в дверной глазок. Варвара оборотилась спиной к двери и забормотала в свою «свёклу», уставившись при этом в объектив камеры:

– За этой бронированной дверью скрывается от возможного визита киллера главный и единственный свидетель двойного убийства, случившегося сегодня утром в чекистском доме.

Сергей Константинович закрыл вторую дверь, и что дальше говорило создание с дёргающимся лицом, стало не слышно

– Кто это был? – слабым голосом спросила Ксюша.

– Телевидение.

– Господи! – только и успела сказать жена, когда в дверь снова позвонили.

Теперь Сергей Константинович, прежде чем отпирать, заглянул в глазок. На площадке было уже два телеоператора, репортёры с микрофонами наизготовку, и какой-то немолодой человек с лицом, выдающим явное пристрастие к горячительным напиткам, выставивший руку с диктофоном. Открывать дверь на этот раз Сергей Константинович не стал. Корреспонденты понастырничали, позвонили еще раза три, и спустились вниз. Опять забеспокоилась жена, и опять он доложил ей, что они стали объектом внимания прессы. Так сказать, прославились.

В дверь опять позвонили. Жена крикнула с каким-то надрывом в голосе, чтобы не открывал, но Сергей Константинович, посмотрев предварительно в глазок, уже отворил дверь. На пороге стоял Гаркуша-младший. Он был совершенно копией отца. Такого же роста, с такими же чертами лица. Но если у старшего, несмотря на возраст и многолетнее сидение на ответственных постах, сохранялись явственные следы пребывания на солёном морском ветру, то у младшего всё было так, да не совсем. Он, словно нежная и дорогая буженина, был покрыт тонким слоем белого жирка. Гаркуша-младший являл собой тип бизнесмена из новых, но законопослушных, хотя кто мог поручиться, что это действительно так. Председательствовал в каких-то околоставных предпринимательских общественных структурах, выступал по телевизору и если чем-то был схож с отцом, так это фамильной повелительностью интонаций. Но сейчас он стоял перед Сергеем Константиновичем, и жирноватенькие щеки его тряслись от рыданий и слёзы безостановочно растекались по щекам.

– Вы... вы... видели? Да? При вас? Расскажите...

Менее всего Сергею Константиновичу хотелось возвращаться к событиям сегодняшнего утра, но он впустил Гаркушу-младшего в квартиру и, сидя на кухне, начал рассказывать историю убийства незнакомца и Гаркуши-старшего.

Неожиданно в дверях кухни появилась жена. Она была одета и даже подкрашена, но в меру.

– Сергей! Я больше не могу этого слышать. Я должна уйти. Вы извините, – сказала она, обращаясь к Гаркуше-младшему, – я должна пойти, прогуляться.

– Да, да, да, – только и успел сказать тот и хотел ещё что-то добавить, но жена уже вышла из квартиры.

Следом засобирился и Гаркуша– младший, не перестававший плакать. И, плача, ушёл.

Меж тем, со времени убийства прошло три с половиной часа! Неужели столько?! Хотя казалось – только что; Только что он был почти счастлив. Только что ладони припахивали рыбцом и таксист, вёзший его из аэропорта, непроизвольно вынюхивал аромат рыбы и косился через зеркало заднего вида на увесистую сумку. Сергей Константинович только что предвкушал, как откроет бутылку холоднейшего пива – зря, что ли выбирал постудёнее в самой глубине холодильного шкафа – и они выпьют пивца и начнут скусывать с кожицы нежнейшую рыбью плоть.

Однако, не станем судить человека за то, что он имеет глуповатую привычку рассчитывать и надеяться. Кстати, чаще всего без особых на то оснований. Кто-кто, а Сергей-то Константинович хорошо знал, как устроен круговорот жизни, где понятие «жить» неотделимо от понятия «употребить в качестве пищи». Какие-нибудь инфузории, кажется, только для того и существуют, чтобы иметь удовольствие быть поглощёнными, и в свою очередь доставить несомненное удовлетворение тому, кто их пожирает. А следом некто поглощает поглотителей. В этом мире взаимодействий и взаимозависимостей, являющихся предметом его научных изысканий, права на надежду не полагается никому, кроме человека. Да и его право, скажем так, относительно. Мириады существ, весь этот космос живого, видимый, но по большей части не видимый невооружённым глазом, только затем и существует, чтобы некий человек по имени Сергей Константинович, стоящий на вершине пищевой цепи, мог надеяться, что нелепая история с убийством на его глазах двух человек, сама по себе прекратится, исчезнет из сознания. Просто исчезнет, и всё тут!

И тут зазвонил телефон. Номер не определился. Сергей Константинович снял трубку и алёкнул. В трубке кто-то молчал. Пришлось, поалёкав, трубку положить. Опять кто-то позвонил и промолчал. Зазвонил телефон и в третий раз. Взяв трубку, Сергей Константинович уже в сердцах рявкнул: «Ну, говорите!»

– Это Тамаз бэспокоит. Прафесар! Ти развэ вернулься?. Жена пачему телефон не берёт?

Звонил директор (или как его там?) фирмы, в которой трудилась Ксения. Внешне, смешной такой грузинчик. Маленького росточка, на астрономически высоких каблуках лакированных туфель. Лысина в полголовы, словно суконкой отполирована, а тело волосатое, будто чапыжником заросло. Во всей своей неотразимости он предстал, когда зазвал Сергея Константиновича в сауну. Собственно, сауны, как таковой, не было. Какая тут парилка, когда в роскошном предбаннике с камином, где жарились шашлыки, накрыт был стол. И столешница у стола только малость не прогибалась от выпивки и яств, с грузинским, так сказать, акцентом. Тяжёлое было застолье, а ничего не поделаешь. Накануне Сергей Константинович подписал договор с фирмой Тамаза на сдачу в аренду помещения в Лаборатории. Договор оказался выгодным. И весьма кстати. Деньги не лишние. Они позволяли решить проблему ремонта отопительной системы и организовать полноценный летний выезд в поле комплексной экспедиции, так как Тамаз заплатил аренду сразу за полгода вперёд. Поэтому сотрудникам лаборатории пришлось потесниться, а Сергею Константиновичу принимать изъявления кавказской благодарности.

За столом были ещё двое; «Тэхнический директор» – как представил его Тамаз – весьма упитанный мужчина вполне славянской внешности. Весь вечер он провёл в молчаливых размышлениях о том, что бы ещё такое съесть. Второго Тамаз представил просто: «Знакомса: Помятун – зам па всаким вапросам». Помятун – человек возраста неопределенного и внешности самой невразумительной – был говорлив, сыпал анекдотами, шутками-приба-

утками, взвинчивал тосты за здоровье дорогого шефа, за арендодателя, его супругу – восхитительную женщину, успех нашего дела и вашего также – имея в виду науку, как такую. Правда, слово «биоценоз» давалось ему с трудом. Он его произносил, как «эбиоциноз». И сам смеялся над своей бестолковостью. Словом, в любой компании Помятун был бы кстати. Несколько портили впечатление татуировки. Для руководящего работника солидной фирмы они как бы и не впадут. Но в теперешние-то времена всё шло в ход, и поэтому два перстня, вытатуированных на пальцах правой руки могли ли кого-то смутить? Был в сауне и еще один персонаж. С ним Тамаз разговаривал исключительно по-грузински, называя его Гела. Он-то был хорош. Сергею Константиновичу подумалось, что Гела мог запросто сыграть Тариэла в экранизации «Витязя в тигровой шкуре», если бы кому-то пришла в голову светлая идея экранизации эпоса. Правда, уши у Гелы были плющенные, как часто случается у борцов. И это несколько портило облик писаного красавца. Однако, могли ли плющенные уши помешать, при случае, совершить любой подвиг? Но подвигов Гела весь вечер не совершал, видимо, за неимением в данный момент острой необходимости. Он жарил шашлыки, разливал спиртное, но сам не пил. Да и ел чисто символически, налегая, в основном, на траву и сыр. Странноватым показалось Сергею Константиновичу руководство фирмы, куда устроилась на работу Ксюша. А куда было деваться? Завод с невинным названием «Преобразователь», на котором она прежде трудилась, и который преобразовывал бюджетные деньги в некие сверхсекретные устройства для армии, рассыпали как горох по полу, и теперь в его цехах привольно расположился рынок, где тон задавали вьетнамцы, мелкие и бегучие, как мураши. Пришлось искать работу. И не очень-то воротить нос. Годы, увы, не те, чтобы фордыбачить. Тем более, что платил Тамаз не скупясь, потому что, по-видимому, ценил квалификацию Ксюши. Она-то и свела его с Тамазом – владельцем многоотраслевой фирмы, которая занималась всем, приносящим прибыль, или, как подшучивал над женой Сергей Константинович, всем, что плохо лежит. Однако, уже второй год аренду Тамаз платил исправно. Такая вот история была с Тамазом.

- Её нет дома, – ответил Сергей Константинович. Она ушла куда-то.
- Зачем ушла?! Слюшай! Когда вэРНётся, пусть пазванит. Да?
- Вы позвоните ей на мобильный. – Посоветовал Сергей Константинович.
- Э! Шмобильный-мобильный! Не берёт, понимаешь!
- Я ей передам, что вы звонили. – И он положил трубку.

В квартире было тихо. Надо чем-то заняться. Чем? Привычная палочка-выручалочка в виде научного журнала не прельщала. Можно пойти на улицу, но Сергей Константинович даже зажмурился от одной только возможности встречи с кем-то из соседей. Он представил, что уже в подъезде столкнется с кем-нибудь, с Аграфеной Филипповной, например, из второго подъезда. Эта тётка была воистину вездесущей. Она имела чудесную способность: быть одновременно сразу в нескольких местах. Вот и сейчас – думал не без усмешки Сергей Константинович – она во дворе у лавочки, на которой поджидал свою жертву убийца, растабарывает о случившемся с такими же представительницами дворовой общественности. Она же, в тот же момент, поднимается по лестнице в квартиру к Гаркушихе, дабы обсудить форму участия всё той же общественности в проводах Гаркуши, которого хоронить следует безо всяких попов, но как видного члена КПСС с оркестром и знамёнами. По любому: встречи с ней не миновать, и Сергею Константиновичу придётся терпеливо выслушивать её сентенции по поводу бессилия теперешней власти, и внимать сочувственным речам.

Вдруг на кухне что-то загромыхало. Что?! Сергей Константинович вздрогнул от неожиданности и с некоторой даже опаской вошёл на кухню. Ну, конечно!!! Это стиральная машина включила режим отжима. Судя по всему, жена засунула в машину его джинсы. Центрифуга завертелась, машина начала подпрыгивать и стучать об пол. Ах ты, чёрт побери! Сколько раз обещал он Ксюше, что соберётся и отбалансирует машину, да всё было недо-

суг. И вдруг ему стало смешно. Да так смешно, нестерпим смешно, что он начал хохотать, хохотать, хохотать... Надо же; всего пугаться начал, даже тварь бессловесную – стиральную машину! И до того дохохотался, что икота началась, и он вдруг понял, что плачет самым форменным образом. Содрогаясь от смеха, вперемешку со слезами, он добрёл до ванной комнаты, включил холодную воду, и сунул голову под струю: «Вот тебе и поели рыба, профессор! Ха-ха-ха!»

3

А в подъезде никого не оказалось, и во дворе тоже. И то ладно! Сергей Константинович быстренько нырнул в подворотню и сразу же пересёк улицу. Ему нестерпимо, прямо-таки физически хотелось избавиться от дома, от всего, что случилось. Он готов был содрать его с себя, выползти из него словно змея, меняющая кожу. Выходя, даже не взглянул на металлическую дверь и место, где лежало давеча тело. Напротив дома, наискосок стоял газетный киоск. А в киоске, как всегда, восседал Мафуша – как его все панибратски называли – бесменный продавец новостей ещё со стародавних, советских времён. Он был инвалид детства и малость не в себе. Но как-то странно не в себе. Водя с Сергеем Константиновичем давнюю дружбу, как со старым покупателем, он время от времени жаловался: «С чердачными делами у меня всё не всё в порядке». И стучал себя по голове, обозначая то место, что звал чердаком.

– Профессор, – окликнул он, высунувшись из окна газетного киоска, Сергея Константиновича, норотившего поскорее пройти мимо, – Я вам скажу, история же в вашем доме... А? И как вы считаете: газеты об этом напишут или нет? Нет, вы постойте! Я думаю – напишут. О чём же ещё им писать, как не об этом самом. Телевидение уже было. Три камеры! А к вам не заглядывали? Нет? Вы же, говорят, главный очевидец. Или нет? Так я вам скажу, что лучше бы уж нет, чем да. Один древний царь говорил: «От большого знания висок ломит и в затылок вступает». И чтобы вы думали? Сколько раз убеждался, что так оно и есть! В этом киоске двадцать с лишним лет – вы же сами видели! Но вы же не знаете, сколько я кроссвордов за это время переразгадал! И не догадаетесь, сколько! Потому, что даже я не знаю, сколько. И что? А ничего. Только к вечеру от кроссвордов голова болит. И ничего больше. За день слов наразгадываю штук тысячу. А!? Как вам такое? Слова знаю, а связи между словами не даются. Потому что дурак. У меня и справка есть, что дурак. Другие за такую справку большие деньги готовы платить. А я дурак за бесплатно. Никакой корысти! А? Но я скажу вам, профессор, настоящие дураки бывают только даром. Бес-ко-рыст-но! Так, этот господин, которого убили, наезжал в ваш дом и не раз. Приедет, поставит свой ПШИК, – Мафуша, ухмыльнувшись, показал на джип, стоящий на платной стоянке, – вон он: видите, еще стоит. А хозяин уехал на другой – ногами вперед..

– Этот – ахнул Сергей Константинович.

– Да. Кастрюльного цвета. Я сижу, и кроссворды щёлкаю, но всё-ё-о вижу. А меня – никто. Это раньше было: три газеты: «Правда», «Труд» да «Советская Россия» – всё остальное тут же сметали. А теперь я весь киоск журналами завесил. И кто будет на меня смотреть? А? Вы думаете, что кто-то будет? Все смотрят на голых тёток на обложках – во, полюбуйтесь! Это кому же по силам такое богатство содержать! Я поэтому уже сорок лет не женюсь. А что с ней, делать, когда на один бюстгальтер всей моей зарплаты не хватит. И не уговаривайте – не женюсь! Нет! – Он сказал это столь убеждённо и яростно, как будто Сергей Константинович только что предложил ему пойти по венец. – А с другой стороны, кому нужен я с моей справкой? И с моими припадочными родителями, которые выискали имя ребёнку – Мафусаил? Это я-то Мафусаил?! Ага! Посудите: может ли человек, у которого, конечно, нет справки из дурдома, жить с именем Мафусаил? И может ли человек, которого назвали Мафусаил, быть в своём уме? В любом случае без справки не проживешь. Или вы так не считаете, профессор? Но и со справкой я всё-ё-о вижу!

Что и говорить, Мафуша был философ, несмотря на проблемы с чердачными делами.

– А вы милиции про машину сказали?

– А кто бы из милиции меня о машине спросил? Они втроём около киоска стояли, курили, и лейтенант сказал: «Дело – явный всяк. Стрелка не найдём, а уж заказчика подавно». И чего бы мне лезть со своими наблюдениями! Или я не прав?

На платной стоянке действительно стоял джип стального цвета с насмерть затонированными стёклами. И вновь Сергею Константиновичу показалось, что и джип он где-то уже видел... Видел! Но где? Где? Нет, не вспомнить. Странно у него была устроена память. Он мог в алфавитном порядке на латыни перечислить имена простейших обитателей зарастающего озера возле деревни Слоновка. И это казалось ему делом простым и естественным. Но подробности обыденной жизни мозг безжалостно отфильтровывал, и они не задерживались в сознании. Это было очень удобно, потому что совершалось как бы помимо его воли. Правда, Ксюша иногда брюзжала по поводу его бытового беспамятства.

А джип? С ним-то что делать? Плюнуть? Промолчать? Пусть милиция с прокуратурой сами доискиваются? Да и к кому идти? Где искать Богодухова. А как фамилия того подполковника, что примчался во двор после убийства? Был там какой-то Уразов... И вдруг Сергей Константинович вспомнил участкового Саврасова в форменных брюках, сползающих с толстого живота. Точно! Саврасов! Номер телефона участкового был в памяти мобильного. Саврасов приходил к ним домой и проверял, как хранится охотничья двустволка. Тогда-то Сергей Константинович и забил в память мобильного номер участкового.

- Саврасов у телефона.
- Вы извините, не помню, как вас по имени-отчеству...
- А кто это говорит? – И кому-то в сторону от трубки, – борща не дадут дохлевать,
- Я из дома чекистского. При мне сегодня двоих застрелили: Гаркушу и...этого.
- Понял. И что? Вас вызовут к следователю. Вы не волнуйтесь. Мы разберёмся.
- Видите ли... Тут машина нашлась...
- Какая машина?
- Того, которого...
- О. ё..! А вы не это... не ошибаетесь?
- Стоянка платная возле дома, – и Сергей Константинович продиктовал номер автомобиля. – это мне Мафуша рассказал.
- Кто такой?
- Газетами на углу торгует.
- Ха-ха-ха! – Засмеялся Саврасов, – нашли, кому верить! Да у него в голове семь вальтов и все козырные.
- Как знаете, – обиделся Сергей Константинович.
- Убирай борщ, – приказал Саврасов кому-то, видно, жене – приду, доем. – И выключил телефон.

Не было никакого резона дожидаться милиционера, и Сергей Константинович решил прогуляться до лаборатории. Всё-таки неделю отсутствовал. Идти пешком минут двадцать неспешным ходом. Он шёл по бульвару и впервые за долгое время с некоторым даже изумлением заметил, что вокруг него люди. Обычно, ему было ни до кого. Да, и зачем, когда всегда есть повод задуматься о чём-то более существенном: прежде всего о работе. А что касается прочего, то ему вполне хватало общения в лаборатории и контактов с женой. Всё привычно, повторяемо и надёжно. А мелкие недоразумения, не меняли общей картины окружающего мира. И это было удобно, потому что разумно. Сергей Константинович не числил себя сухарём, анекдотической фигурой, человеком не от мира сего. Он водочки мог хватануть, и, как в Ростове, поработав, выехать на природу. И в Москве, когда выдавалось бывать, в Третьяковскую галерею похаживал, где его особенно манил Левитан. Ах, памятный левитановский урок! Но всё это ровно до той поры, пока не мешало работе. Когда начиналась работа, он вообще отключался от окружающего мира. Особенно хорошо было на выездах: солнце, озёрная вода, вбирающая в себя и солнечные блики, и отражение берега, поросшего ивняком и пятна ряски, похожие на домотканые коврики, которые кто-то постелил на воду. И никого вокруг! Разве только пастух пригонит гурт разномастных коров на водопой. А тут – улица,

люди, много людей; Молодая женщина с огрузневшей после родов фигурой катит коляску с двумя малышами. Немолодая баба в переднике с рюшками и псевдо-русском полотняном кокошнике сидит под красным зонтиком с логотипом «Coca-Cola» и торгует мороженым из расписного холодильного ларя с надписью «Nestle». Худющий мужик, жадно пьющий на самом пороге магазина пиво, будто в последний раз перед смертью. Молодой человек в дорогих солнечных очках грузит в багажник чёрного BMW пакеты с продуктами из супермаркета. Мальчишка, на скутере, промчавшийся мимо. Будто вставленные в рамки, портреты людей в окнах проехавшего троллейбуса. Дама, застенчиво отвернувшая нос от таксы, присевшей на газон по неотложным собачьим делам. Ещё, ещё и ещё люди...

– Господи! – Подумал Сергей Константинович, – как бы они себя повели, окажись вместо меня во дворе? Тогда! Когда щёлкнул выстрел в голову! Когда разбилась чашка чая со сливками! Как?

Во время экспериментов, ещё в студенческую пору, он через микроскоп наблюдал, как ведут себя живые организмы, если на приборное стекло капнуть немного кислоты. Ужас, если им свойственно понимание ужаса, распространялось от капли по исследуемой среде подобно волнам от брошенного в воду булыжника. Существа пытались отплыть, втиснуться, как бы спрятаться среди себе подобных. И, не находя спасения, гибли. Он в те мгновения ощущал себя почти Верховным Существом, обрушивающим гнев и огонь небесный на Содом и Гоморру. Не хватало только воплей и скрежета зубового. Но Сергей – тогда ещё просто Сергей – понимал, что такое сравнение не применимо к данному научному эксперименту с живым. Это чисто эмоциональное, образное восприятие, носящее абсолютно не научный характер.

У людей так или по иному? Старик Гаркуша прикрикнул на убийцу, за что получил пулю прямоком в сердце. А он, будучи куда моложе и крепче старика, присел, наивно пытаясь спрятаться, отсидеться, уцелеть. И обрёл срам. Теперь уже все в доме наверняка знают, как он опозорился. Стыдоба! И этот, в солнечных очках, и баба в кокошнике тоже бы так же? Или нет? А этот, пьющий пиво? Разбери-пойми человека! Вдруг бы он, отчаянная душа, кинулся ловить ушедшего убийцу, ведь пистолет-то тот выбросил. А без пистолета неизвестно кто кого. Но Сергей-то Константинович присел, попытался укрыться, и, самое страшное, всё произошло помимо воли, рефлекторно, как у существ на приборном стекле. Он понимал, что следовало поступить иначе, сумку с бутылками метнуть в стрелка, кинуться вослед в подворотню, выскочить на улицу, заорать: «держи», и всё было бы по-другому. Не кинулся, не заорал. Мысли эти терзали душу, словно некто посторонний, экспериментировавший над ним, проводил крупнозернистой наждачной бумагой по душе, как по свежей ссадин...! И он прибавил шаг, подсознательно надеясь убежать от размышлений, терзавших его.

Он уже подходил к лаборатории, когда засвиристел мобильник. Странно, но всё это время он не пытался позвонить жене и подумал, что это звонит она. Оказалось, звонил Саврасов.

– Ну, вы ё... удружили! Его машина. Факт, что его. И ключи у него в кармане были, а от какой тачки – хрен разберёшь. А теперь всё сошлось. Ночевал он у кого-то в подъезде вашем. И фамилию мы его узнали – документы в бардачке. Большую фигуру у вас во дворе завалили.

– Кто он? – не удержался от вопроса Сергей Константинович. – Или секрет?

– Теперь какие секреты! Телевидение приезжало – раззвонит. Парусов это, Николай. Может, знаете? По кличке Лаперуз. Казино «Парус», на Васильевской? Его заведение. За звончок от меня причитается. А то эти сыскари хреновы... искали, да не там. И Мафуша, умник тоже! Телевидение приехало, так он из будки своей собачьей вприпрыжку выскочил, даром,

что инвалид ума. Я ему сказал пару ласковых. Ну, пока. – Чувствовалось, что участковый доволен тем, что уел сыскарей.

Так вот откуда память о ямочке на подбородке! Год назад жена буквально за руку затащила его в казино, тот самый «Парус». Сергей Константинович идти никак не хотел, но Ксюша твердила новомодное слово «корпоратив», повторяла, что Тамаз приглашал, что будет рад, что надо поддерживать отношения, что Мы!!! тебе такие деньги!!! за аренду платим! Последний аргумент всё перевесил, ввиду неотвратимости ремонта отопительной системы лаборатории с полной заменой одряхлевших радиаторов. И он пошёл. Разумеется, сидели не в игровых залах, а в ресторане при казино. Публика собралась пёстрая. Среди званных оказался заместитель мэра, отвечающий за содействие развитию в городе предпринимательства. Он был вопреки жаре официозен, а туго утянутый галстук в совокупности с лицом, налитым кровью и подвыпученными глазами, делал его похожим на человека, только что, снятого с виселицы. Впрочем, пробыл он не долго. Произнеся тост за таких предпринимателей, как Тамаз, который являет собой новый тип русского человека, возрождающего традиции дореволюционного купечества с его хваткой и щедростью, что Тамазу пора подумать о вступлении в Партию, а также избрании в депутаты. Зам мэра завершил свой, несколько витиеватый спич лукавой улыбкой в адрес Тамаза и словами: «Да не оскудеет рука дающего». После чего засосал фужер виски, ничем не запивая и не заедая, и отбыл, сославшись на большую занятость по основному месту службы. Зам мэра сидел по правую руку от Тамаза. А по левую – ничем не примечательный мужчина в притемнённых очках с диоптриями.

– Знаешь, кто это! – улучив момент, шепнула Ксения. – Это сам Кавалеристов..

– Кто-кто? – проявил свою полную неосведомлённость Сергей Константинович?

– Главный борец с организованной преступностью у нас в области.

Кавалеристов тостов не произносил, пил дорогую водку маленькими рюмочками, и после каждой, как бы в полном изумлении от выпитого, приподнимал брови так, что они оказывались выше очёчных оправ. Сидел за столом человек, как оказалось, хирург из больницы скорой помощи, донельзя хмурый, словно только что из анатомички. Его Помятун, предводительствовавший за столом, назвал «нашим спасителем и благодетелем». Напротив Сергея Константиновича вальяжничал средних лет мужчина в пиджаке с искрами и бабочкой. Это был актёр местной драмы, на последнем излёте возраста, когда ещё уместно играть роли молодых и страстных любовников. Но, судя по некоторым признакам, женским полом интересующийся, только как исполнитель ролей, которые ему поручено играть, но не более того. Когда до актёра дошла очередь произносить тост, он взял микрофон и ломким баритоном, немного манерничая, спел старую песню о Тбилиси с припевом: «Расцветай, под солнцем, Грузия моя!». Дошла очередь до Сергея Константиновича. Но он говорить застольные речи был не мастак, и начал объяснять собравшимся, какой удивительный мир живого скрывается в каждом из восьми больших аквариумов, украшавших интерьер ресторана. И совсем, было, ушёл в науку, но тут Ксения дёрнула его за брючину, и он, вернувшись на грешную землю, поблагодарил фирму за поддержку науки и уже хотел опять повернуть в сторону равновесия внутри биоценозов, но вмешался Помятун и завопил нечто вроде: «На науку, гадам буду, ничего не жалко!». Публика, сидевшая за столом, одобрительно загудела, выпила, и вновь брови борца с оргпреступностью взмыли над оправой очков. Потом шли тосты разных людей и среди прочих тост того самого – как его звали? – человека с ямочкой на подбородке. Но, в те минуты Сергей Константинович уже не обращал внимание на говорящих, потому, что по-настоящему увлёкся размышлениями об аквариумных биоценозах. Тему моделирования природной среды в неприродных условиях можно предложить Шурочке – нежному созданию, выпускнице Биофака университета, где Сергей Константинович профессорствовал и читал курс. Нежное создание на лекциях сидело в аудитории за передним

столом, и преданными васильковыми глазами смотрела на профессора. Да так смотрела, что Сергею Константиновичу становилось не по себе. А после получения красного диплома Шурочка, пунцовея от смущения, пришла в Лабораторию и, глядя преданными до невозможности глазами, выдохнула, что готова полностью отдаться науке, разумеется, в рамках бюджетной аспирантуры. Таким образом, размышления об аквариумах и о Шурочке выключили его из застолья, где властвовал Помятун, и где Тамаз сидел, словно изваяние самому себе. Сергей Константинович заметил, что во время перерыва жена его о чём-то оживлённо беседовала с этим, как теперь оказалось, Лаперузом. Но он не придавал этому ни малейшего значения, тем более, что Ксюша поведала Сергею Константиновичу, что этот человек и его казино также входят каким-то образом в сферу интересов Тамаза. Впрочем, застолье показывало, что в эту сферу, что только ни входило.

И вот теперь оказывается, именно Лаперуз убит у дверей их дома. Интересно! Чёрта ли ему понадобилось субботним утром приезжать и к кому? Сергей Константинович перебрал в памяти все четыре этажа по три квартиры на этаж. Ясно, что не у Гаркуши был Лаперуз. И не у них. Ксюша спала, когда он вернулся. На первом этаже было две квартиры, переделанные в офис и квартира отставной солистки областной филармонии Неонила Гавриловны – фамилия не вспоминалась – доживавшей свой век в компании четырёх кошек и пяти брехливых беспородных собаченций, по поводу которых Гаркуша на весь двор объявлял, что вот-вот начнёт борьбу с антисанитарией в доме. На втором этаже помимо Гаркуши жил всему городу известный врач-уролог Лурье. Но он приёма на дому не вёл. Кто жил в третьей квартире на втором этаже, Сергей Константинович не знал. Встречал как-то молодую пару с двумя дочушками, когда они усаживались в автомобиль, и даже дверь подъезда придержал, когда глава семейства выносил складную коляску для младшенькой. О своих соседях по площадке он знал только, что одни где-то на северах. Вторые..? Бог их знает. Соседей же с четвёртого не знал вовсе. Разве только, что в квартире над ними время от времени крупно гуляли. Слышно было без устали наигрывавшую гармонь и буханье ног. Кто гулял? По какому такому случаю? Ему было всё равно, лишь бы не мешали думать. Ксюша, по видимому, знала соседей лучше. Надо бы ей позвонить, да рассказать про Лаперуза... Он набрал номер жены. Автоответчица пробормотала о том, что телефон абонента выключен или находится вне зоны обслуживания.

А вот и лаборатория. Славный особнячок с любопытным прошлым. В городе знали: когда-то жила-была на белом свете купчиха Гликерия Саввишна Фролова – наследница миллионного состояния. Торговала маслом коровьим, сырами и черевами. Тем были славна не только в России, но за пределами империи. Масло шло в Лондон, а черева в Германию. Немцы – известные колбасники. А колбасы без черевов, как известно, не сотворить! Дело было на ходу. Но купчихе этого показалось мало. Завёлся у неё, как бы это сказать, друг сердечный. Из дворян. Но без денег. Зато такой шармёр! Закрутил-завертел, уговорил поехать в Париж. Из Парижа Гликерия Саввишна вернулась этуалью! Шляпы, платья, манеры... Но главное, решила построить дом, в котором собирать художников, чтобы они жили на полном пансионе и писали картины. Дом построили, а с живописцами вышла промашка. Московские были далече, а из местных – один живописец Ардалион Палкин, который пил горькую и на закуску ничего кроме селёдки и огурцов не спрашивал. За целое лето он написал жанр: «Похороны льячка» и натюрморт «Букет сирени», но это ещё по весне, пока не запил. Букет Гликерия Саввишна, купивши, повесила у себя дома, а теперь он украшает местную живописную галерею. А «Похороны дьячка», сказывали, на ура прошли на выставке передвижников в Москве, после чего живописец Палкин запил вовсю и с тем навсегда покинул места, где так хорошо цвела сирень во имя иной, неземной красоты. Дом на какое-то время опустел. Той порою, друга сердечного отринули по неудобопроизносимым причинам, парижские шляпки заброшены, и хозяйка явилась миру в подобии монашеского оде-

яния. В доме провели ремонт, мольберт и палитру с засохшими красками усопшего живописца сожгли в печи на кухне, и открыли приют для падших женщин. Днём падшие учились шить на специально купленных машинках фирмы «ZINGER», а по вечерам всё-таки умудрялись впадать в прежнее ремесло. Потом началась война с германцами, потом революция, хозяйка дома сгинула. А в доме обосновались советские конторы, которые меняли названия, но занимались одним и тем же: регистрировали входящие, в ответ на входящие готовили исходящие, а также подшивали входящие и исходящие для архивного хранения на веки вечные. В начале девяностых, когда прежние конторы потеряли актуальность в связи с убитием навсегда советской власти, а новые не успели набрать силы, Сергею Константиновичу удалось, по случаю, уговорить тогдашнего губернатора – бесшабашную голову, что область без академической науки – неполноценная область. Тот, не вдумываясь, подписал указ, тем более, что уже прозвучали магическое указание брать самостоятельности можно сколько ухватишь, и Лабораторию – о, чудо! – открыли. А, открывши, не закрывать же! Вот, что это был за дом, настоящее убежище, раковина рака-отшельника, где Сергей Константинович обрёл спокойствие, где его научные дела пошли в гору.

Он взошёл на крыльцо по трем поистёршимся ступенькам, тёсаным из белого камня. Позвонил. Дверь отворил охранник Мокеев:

– С возвращеньцем! Сергей Константинович! Как съездили?

– Хорошо съездил, продуктивно, Василь Василич! – Ответил он охраннику, с наслаждением услышав знакомое клацанье дверного запора, отсекавшего наружный мир

Теперь точно: всё нелепейшее и страшное утро оставалось где-то там, за пределами Его мира, куда хода непосвящённым нет. Ещё несколько шагов по коридору, и он войдёт в свой кабинет, где всё, как в танке: тесно, ничего лишнего, и вместе с тем, ощущение надёжности и полного покоя. Но надеждам не суждено было сбыться:

– А вы с супругой своей самую малость разминувшись. Она приходила, машину взяла. Ещё к арендаторам хотела зайти, да, я её, грешным делом, не пустил. Говорю, на сигнализации поставлены помещения, а пароля не знаю. Вы уж меня извините, осерчала она, дверцей шибко стукнула, и уехала.

В том, что Ксюша взяла их новенькую «Mazda» ничего особо удивительного не было. Ну, взяла и взяла. Машину и выбирали «дамского» цвета – красную, в тон губной помаде. Сергей Константинович, предпочитавший всем автомобилям старую, служебную «Ниву», за руль «японки» почти не садился. Да и куда на ней поедешь при его интересах! Разве что, девочек катать по бульвару... И кстати, нежное создание Шурочка как-то обмолвилась, что обож-жает быструю езду. На следующий вечер Сергей Константинович выехал со двора Лаборатории и притормозил за углом. Нежное создание, дожидавшееся за углом, село в машину и долго не могло совладать с ремнём безопасности. Пришлось помогать застёгивать ремень и поправлять его, чтобы облегал фигуру ровно. Фигура была хороша, ремень облегал плотно, подчёркивая имеющиеся нежности. Поездка была содержательной: они прокатились по вечернему городу, а потом выбрались на сибирский тракт и минут через двадцать повернули в сторону Кочемасовки. По обеим сторонам дороги чернел соснячок, на небе явственно просвечивали первые звёзды. Шурочка благоухала французским парфюмом и рассказывала, как они любили ходить на лекции Сергея Константиновича. Все попытки повернуть разговор в сторону диссертационных дел закончились ничем. Понятно, о чём и как следовало вести разговор, и Сергей Константинович был готов разговор повести, да вовремя одумался. Он слишком ценил Лабораторию и возможность быть в Лаборатории наедине с самим собой, своими поисками и размышлениями, чтобы разменивать эту любовь на некую предполагаемую сладость обладания этой, не такой уж и наивной, хищненькой дурочкой. Он представил, как она будет выполнять всё, что он захочет, в надежде овладеть им, а, овладевши, решать потом свои вполне понятные житейские задачи. Сергей Констан-

тинович затормозил, включил задний ход, развернулся и нажал на газ. Через сорок минут он высадил Шурочку около её многоэтажки. На следующий день Ксюша спросила, что за ароматная пассажирка сидела в машине? И посоветовала, не без язвы в голосе, покупать любовницам те же духи, что и жене. На что Сергей Константинович, в тон жене, ответил, что будет покупать ей такие же духи, как и любовнице. Оба рассмеялись, на том и разошлись.

Зазвонил мобильник. Номер не определился. Сергей Константинович трубку не взял. Ещё звонок. И опять он не взял трубку. Пришла, пискнув, СМСка: «Тамаз». Ещё звонок.

– Слушаю.

– Это я, Помятун. Тут Тамаз Георгиевич интересуется, видел ли жену?

– Пока нет, – Сергея Константиновича покорило панибратское тыканье. – Когда увижу, обязательно скажу, что Вы ей интересуетесь.

Помятун уловил недовольство в интонации:

– Ладно, ладно, я, конечно, извиняюсь, но Тамаз Георгиевич сильно интересуется.

И тут трубку взял Тамаз:

– Прафесар! Увидэш – скажи: все будет харашо. Пуст не валнуеца.

Было заметно, что акцент его усилился. Он явно волновался.

– А чего бы ей волноваться? – спросил Сергей Константинович.

– Ну, она такая валнителная женщина! Всегда нервничает! – И Тамаз отключил телефон.

Нет, не получалось тихих минут в уединении! Он ещё раз набрал телефон Ксении и опять услышал, что телефон абонента вне зоны обслуживания.

Что означало волнение жены, он ещё мог предположить. Всё-таки не каждый день муж является домой в мокрых штанах, побывав в двух шагах от смерти. Но что означало волнение Тамаза по поводу волнений Ксении, было не вполне объяснимо. Даже совсем непонятно. Или это как-то связано с убийством Лаперуза? Но причём здесь Ксения? Она-то и не знает даже, кого ухлопали вместе с Гаркушей. А знает ли Тамаз?

– Дурак, – подумал он, – не догадался спросить...

Впрочем, надо приниматься за дело, ради которого отправился в Лабораторию. Перед командировкой в Ростов он начал писать письмо губернатору по поводу тревожной динамики биоценозов в области. После двух десятилетий полного безденежья, когда колхозы находились при последнем издыхании, природа смогла вздохнуть. Стали оживать ландшафты. Вновь по лесным окраинам, от буераков, брошенных карьеров, всяческих неудобий, куда нельзя было запустить плуг, потянулись свежие и духмяные языки разнотравья. Кое-где перепёлочки завспархивали. На самом юге области, где леса сходили на нет, степь ожила, задышала. Сергею Константиновичу позванивали знакомые охотоведы, будто встречали стрепетов. И он засобирался ехать, смотреть. Но, настала иная пора. Вновь во все свои трубы задымил комбинат полиметаллов. Откуда ни возьмись, появились люди с тугой мощной – инвесторы. Выкуплены и расширены четыре, и без того огромные, птицефабрики. А птице нужно клевать. А чтобы бедной птичке было, что-то клевать, подавайте зерно, много зерна. Зафыркали на полях теперь уже импортные трактора, покатались яркие, словно детские игрушки, сеялки. В фирменной упаковке повезли удобрений и ядохимикатов. И хотя хозяева агрохолдингов клялись и божились, что всё хорошо и никакого вреда природе не наносят, но Лаборатория первой заметила изменения в фауне и флоре водоёмов. Они были видны пока только под микроскопом, но природа подавала первый сигнал грядущих изменений. Ещё более зловещие трансформации происходили на Бажаевке. Сине-зелёные водоросли буквально заполнили это крупнейшее в области хранилище пресной воды. Дело в том, что энергетики словно обезумели из-за выгодной конъюнктуры на рынке электроэнергии. Бажаевская ГРЭС влупила на всю катушку свои энергоблоки, и лихо продавала электроэнергию. Деньги со свистом шли мимо области в карманы новых хозяев. А озеро,

существовавшее со времён великого оледенения, и всё живое в нём изнывали из-за высокой температуры водосброса. Когда давным-давно, в середине шестидесятых, станцию проектировали и начинали под звуки комсомольско-молодёжных барабанов строить, никто и думать не думал о побочных эффектах. Тогда и люди-то шли не в счёт. До инфузорий ли..! Обо всём этом Сергей Константинович писал губернатору, прилагая графики, анализы, пытаясь подтолкнуть власть к определённым выводам, и при этом совсем не был уверен, что его услышат. Он хорошо представлял лицо первого помощника губернатора Виктора Аполинарьевича Косозубова. Он был единственный человек в аппарате, который внимательнейшим образом прочитывал всё, что приходило в первую приёмную, и покидало её, с размашистой резолюцией губернатора. Сергей Константинович не впервые через него подавал письма высшему должностному лицу. Косозубов буквально сканировал текст, сходу улавливая все скрытые смыслы. Совсем коротко после прочтения молчал, поигрывая губами, словно хотел чмокнуть в щёчку очаровательную Валентину – секретаршу губернатора. Потом молвил коротко: «Доложу». И по тому, как он произносил это слово – слитно или по слогам, сведущие люди понимали дальнейшую судьбу бумаги. Не факт, что письмо будет доложено, как оно того заслуживает. Можно было с высокой степенью уверенности предположить, какова будет реакция на фразу «необходимо оптимизировать антропогенное воздействие на природную среду, имея в виду дисбаланс между природопотреблением и способностью биоценозов к самосохранению, учитывая накопление отрицательных явлений и необратимость, в ряде случаев, негативных динамик и влияние таковых на качество жизни народонаселения». Даже мудрую губернаторскую усмешку в усы можно было вообразить: «Область на подъёме, пошли инвестиции, а тут „оптимизировать“. Ох, уж эти учёные головы!».

Менее всего Сергей Константинович мечтал о славе трибуна и сопротивленца. Но элементарные профессиональные понятия не позволяли молчать о тревожных тенденциях. Разрушение великого всегда начинается с гибели малозаметного. А подавляющее большинство людей воспринимает жизнь дискретно, как некий набор малосвязанных между собою случайностей. Кто-то ищет закономерности в гороскопах; Всё, что с тобой стряслось – потому что ты Рыба, или Рак, или Тарантул какой-нибудь. Ксюша, например, увлекалась гороскопами. Но он-то твёрдо знал, что не эти произвольно соединённые светила в бесконечной глубине ночного неба, а совсем иные силы и совсем не очевидные закономерности определяют судьбы не только отдельных людей, но, порой, и цивилизаций. Причём, иногда до самого последнего момента гибельные изменения малозаметны. Что поделать: по природе своей люди предпочитают думать о здесь и о сейчас... Такие вот дела!

Кому и как поведать свои печали? Ксюше? Ха-ха! Другое дело – Ванечка Мостовсков! Хорошо они тогда на берегу малость водочки выпили да вдосталь поговорили о наболевшем. В Дону также рыбы стало значительно меньше. А рыбец и столь же лакомая шемая скоро останутся только на рисунках в скучных учебниках. Вон и на Урале дорыбачились: осетровые выше устья в Урал не заходят, об этом написал ему уважаемый коллега, Есингалей Каюмов из близкочужужежного теперь Казахстана. Сергей Константинович ещё раз перечёл написанное и решил, что аргументов достаточно и можно будет в понедельник, на свежую голову проверить грамматику, а затем распечатывать и самолично свезти в Дом Правительства. Пусть читают, пусть даже не реагируют, но, как говорится, вода камень точит. А ему главное было – высказаться. Он встал из-за компьютера, попрощался с Василием Васильичем и пошёл восвояси.

4

Пока Сергей Константинович сидел в кабинете, работал кондиционер. Дышалось легко и свободно. На улице его охватила духота. Душно было в городе. Парило. Хорошо бы дождь с грозой.

Во дворе дома на лавочке, там, где утром поджидал свою жертву убийца, сидел участковый Саврасов. Жарынь была невероятная, и форменная рубашка милиционера была мокра и на спине, и подмышками.

– А! товарищ Саврасов! – приветствовал милиционера Сергей Константинович. – А художник Саврасов вам случайно не родственник?

– Вот! И вы туда же! – как-то устало, но беззлобно ответил Саврасов. Мне, как день рожденья, обязательно «Грачей» дарят. У меня дома их штук десять – не меньше. А я вас дожидаюсь.

– Меня?

– Я тут поразмыслил... Словом, поговорить надо.

– Что же не по телефону?

– Да я... это... – Саврасов достал из кармана мятый носовой платок, протёр вспотевший загривок и с сожалением посмотрел на мокрёшенькую тряпицу. – Телефон, он, конечно... Но, без телефона лучше. Да и деньги на счету... того..

– Здесь станем разговаривать?

– А дома у вас холодненькое что-нибудь есть? В смысле попить?

– Пиво, – вспомнил Сергей Константинович. – Шесть бутылок. И рыбака.

– Дак, я при исполнении...

– Да ладно!

И они поднялись на третий этаж в квартиру. Судя по всему. Ксюша домой не возвращалась. Сергей Константинович посмотрел на номеропределитель. В памяти телефона запечатлелось восемь звонков и все, как один: «номер не определился». Ясно, кто названивал. Он выставил фирменные бокалы, залез в пакет и достал пару рыбцов. Напластал ножом, а тем временем Саврасов откупорил две бутылки. Пиво было реально холодное. Настала пора осуществить задуманное ещё в самолёте. Правда, кто бы предположил, что всё выйдет так, а не иначе? Отхлебнули. Саврасов хватанул почти полный бокал, а Сергей Константинович чуть отпил, и ему показалось, пиво какое-то безвкусное. Он уже понимал, что милиционер не пиво пришёл пить, а по какому-то более серьёзному поводу, и приготовился в очередной раз рассказывать утреннее событие, свидетелем которого ему довелось стать. Но Саврасов спросил совсем про другое:

– Вы, как бы это сказать, с супругой... в ладах живёте?

– В каком это смысле? – опешил Сергей Константинович.

– Бывает, знаете ли... Вон по Измайловскому переулку, дом девять живёт один гражданин. Он бабе своей нет-нет, да и подвесит. А баба мне заяву. Я за ним: «Идём, мол, друг! По тебе тюрьма плачет» А баба в слёзы: «Простите меня, дуру заполошную». И заявление в зад. Назад, то есть, забирает. Так значит, вы-то со своей хозяйкой дружно живёте? – И участковый допил пиво.

– Вы рыбака попробуйте, – предложил Сергей Константинович, подливая пива в бокал Саврасову.

– О! – только и сказал Саврасов, принимаясь за рыбака.

Хороший вопрос выкатил участковый. Не понятно только, к чему? Неужели его и вправду интересуется, бьёт ли, или не бьёт профессор свою жену?

– Я тоже иногда свою поколачиваю, – постарался пошутить Сергей Константинович

– Тут дело, вот какое... – Саврасов отложил рыбу и тщательно вытер пальцы бумажным полотенцем. – Такое вот дело, – повторил он, – и Сергей Константинович вдруг обнаружил, что простота участкового очень даже не проста: глаза смотрели царапающе. – Так вот, что получается, – продолжал он, повторяя слова, словно беря разбег перед прыжком, – Получается, что убиенный вышел на погибель из вашей квартиры. Он так, бедолага, торопился, что даже носки не надел перед выходом. Носки у него в кармане пиджака нашли. Сыскари с прокурорскими голову сломали, а я сразу подумал, что его кто-то спугнул. Посидел я, покумекал, записки свои полистал, и пришёл к выводу, что вы его и спугнули своим звонком.

– А откуда известно про звонок? – спросил Сергей Константинович и ощутил, что во рту у него пересохло.

– Знаю. Сыскари вас уже проверили; И про charter, и таксиста нашли, который из аэропорта вёз, и разговор ваш с женой слышал про пиво и рыбу. А рыба знатная!

– Меня-то, зачем проверять? Вы лучше свои умозаключения проверьте. – зло и скептически выдал Сергей Константинович.

– Да уже проверил сто раз, вас поджидаячи; контору на первом ни вчера, ни сегодня с сигнализации не снимали. Бабушка с собачками не в счёт. На втором – сами понимаете – не к кому. На четвёртом, над вами, атаман казачий атаманыт своих на спевки собирает. Но они уже пятый день, как на Кубань укатили, на фестиваль казачий. А в двух других та-акие законопослушные одуваны живут! Расскажи им про Лаперуза, они от страха поумирают. Так что, от вашей супруги только мог он выйти, больше неоткуда. Вы уж извините.

Новость так новость! Что и говорить! Получается, Ксюша ему изменяет?! Нет, здесь что-то не так! Ерунда! Бред милицейский! Тоже мне, Шерлок Холмс! Сейчас она позвонит, или подъедет и всё разрешится. Всю совместную жизнь Сергей Константинович и мысли не допускал, что жена способна изменять. Совсем в молодые годы, когда чувства были остры, он, случалось, ревновал жену, как ему казалось, не без повода. Она умела кокетничать и делала это с удовольствием, как и многие молодые женщины, хотя ничего серьёзного, кроме желания доминировать, в её кокетстве не было. Поддразнивая, она водила его, словно рыбак подсечённую рыбу. Рыба хапнула наживку, а в ней крючок. Крючок держит рыбу – какое удовольствие, что рыба теперь твоя и ты властен делать с ней что угодно: Да! Рыба трепещет, да! тщится одолеть, да! некое послабление натяга воспринимает, как почти обрётённую свободу... Бедная, глупая рыбка! Лежать тебе выпотрошенной в кипящем масле на горячей сковороде. По молодости лет, в одной компании Сергей Константинович взревновал не на шутку, и вывел жену, крепко ухватив за локоть, из комнаты, где клокотало застолье, в тёмный и длинный коридор, она прижалась к нему животиком и зашептала-зачастила:

– Прекрати, прекрати сейчас же, дурачок. Я – твоя и ничья больше ничья. И потом, я хочу от тебя ребёнка. Сейчас. Ты можешь это сделать? Давай, прямо сейчас? Здесь? А? Ну же! Ну!

И она начала дёргать вниз, как назло, заедающую молнию на брюках. Оказалось, под платьем на ней не было трусиков. Всё произошло в какие-то мгновения. Он застонал от наслаждения, а она, мгновенно обессилев, присела на подставку для обуви. Из комнаты высунулась голова Юшки Забалуева, с которым она кокетничала – что, мол, вы тут делаете?

– Ксюше нехорошо, – сказал первое, что пришло в голову, Сергей, тогда просто Сергей.

– Не выдумывай, – парировала она. – Мне уже как раз очень хорошо. А где тут у них ванная комната...

– Я не верю вам, – сказал он Саврасову, – с чего вы это взяли?

– Тут уж ничего не поделаешь... чистая аналитика и знание проживающего контингента. Работа такая. Ментовская.

И тут зазвонил мобильник. Номер определился незнакомый.

– Да, – сказал Сергей Константинович, – Слушаю.

- Сергей, ты где? – Услышал он голос супруги.
- А ты где?
- Не имеет значения.
- Я на кухне. Пиво пью с участковым. Он мне интересные вещи рассказывает.
- Сергей! – Голос жены стал напряжённым. – Ничего никому сам не рассказывай. Это же милиция. С этими разговор только в присутствии адвоката. Только. И никак иначе.
- Я сам бы хотел поговорить с тобой.
- Не сейчас.
- Тебя с работы ищут.
- Догадываюсь.
- Дать им номер телефона, которого ты звонишь?
- Ни в коем случае. Это телефон абсолютно случайного человека, я просто попросила позвонить.
- А твой почему молчит?
- Разрядился. А зарядник дома оставила.
- Где ты всё-таки?

Но жена уже отключилась. Он попытался набрать номер, сохранившийся в памяти, но автоответчик выдал информацию, что номер не может быть подсоединён. Во время разговора Саврасов не без сочувствия наблюдал за Сергеем Константиновичем.

Остаток дня Сергей Константинович провёл у телевизора, перещёлкивая каналы. Более глупое занятие трудно себе представить. Он не любил телевидение за его истошность в новостных программах. Ещё более не жаловал так называемые ток-шоу. Одни и те же лица таинственным образом перемещались с канала на канал, иногда возникая на двух-трёх каналах одновременно. Чаще всего говорили при этом плоско и улыбались, улыбались, старательно демонстрируя зубы, словно попали на съёмки рекламного ролика о преимущества зубной пасты, рекомендуемой всеми дантистами мира. А были такие, что всегда, по поводу и вовсе без него, насуплено сдвигали брови. От насупленности этой над переносицей возникала вертикальная, немыслимой глубины, складка. Так они и несли эту складку по жизни, перебираясь с канала на канал. А эти протуберанцы восторга, извергаемые из самых глубин сердца присутствующих в студии, безликих и безгласных участников массовки! Такое впечатление, что их истеричная восторженность была записана раз и навсегда, и передавалась из передачи в передачу, как некий непрменный элемент любого зрелища: а-а—уа—ха-ха-ха!!! И аплодисменты! Аплодисменты по поводу любой, даже самой пустейшей реплики. При этом самих восхищающихся и одобряющих можно было и не показывать вовсе. Людей вполне заменял шумовой эквивалент восторга. Изредка Сергей Константинович смотрел передачи про животный мир... Но,

и в них он узнавал могучую руку мастеров создания иллюзий. Очень часто животные были все лишь фоном, на котором бесстрашный весельчак демонстрировал пренебрежение к правилам безопасности: лез в пасть крокодилу, щекотал брюхо тигровой акуле, норовил подружиться с коброй, а заодно впрыскивал адреналин в кровь зрителей и особенно зрительниц. Нажимая кнопки пульта, он убеждался, что время идёт, мир меняется. А телевидение, воссоздавая раз за разом им же придуманную реальность, и не думает меняться.

Впрочем, не это занимало его сейчас. Не это. В конце концов, телевизор можно просто не включать. Забыть о нём. Выдернуть вилку из розетки. Подарить телевизор филармонической соседке – то-то будет рада и старая женщина, и её собаченции большому плазменному экрану. Можно выкинуть его к чёртовой матери, в мусорный контейнер. Но куда выкинуть размышления о том, что рассказал участковый Саврасов? Он-то сейчас, наверное, сидит дома, похрустывает сухечками и попивает густой чаёк со сливками перед телевизором. Его-то рассказ из розетки не выдернешь! Подобно многим, Сергей Константинович давно при-

терпелся к тому, что с ними происходило в обычной жизни. Пылкие желания ушли, причём сделали это по-английски, не попросившись. Была жизнь, складывающаяся из повседневных потребностей. Была привычная и потому удобная, до автоматизма, система удовлетворения этих потребностей. В конце концов, они научились не доставлять друг другу излишних поводов для переживаний. Жизнь складывалась, как езда по ухоженной дороге, где есть полосы движения, отделённые одна от другой специальными отбойниками. На такой дороге надо сильно постараться, чтобы столкнуться лоб в лоб. Но вот, кажется, столкнулись. Сергей Константинович ещё и ещё прокручивал в голове информацию от Саврасова. Кажется, милиционер имел основания для своих умозаключений. Ведь их с Ксюшей, по сути, ничего не связывало. Разве только общая постель. Близость? Она случалась. Но оба на ней специально не настаивали; Хочешь? Нет? Ну, спокойной ночи! Мало ли какие причины отказываться есть у каждого из супругов! Ещё была у них на двоих одна тайная тайна, сугубая тайна, о которой думать не хотелось. А сейчас и подавно не хотелось...

Так значит, он теперь рогат? Как кто? Как олень? Как бык? Как баран с витыми рогами? Как муфлон! Он вспоминал Лаперуза в тот, давний вечер в казино. У него было самодовольное лицо человека, который знает о жизни нечто такое, что другим вовсе знать не следует. А может, он и знал некие тайности, которые можно углядеть только в тот момент, когда шарик ещё безумствует и скачет, а рулетка неумолимо завершает своё вращение? Что-то в этом во всём было, не случайно великие умы: и Пушкин, и Достоевский подчинялись магии азарта. И чем Лаперуз взял? Что в нём такого? Ничего примечательно во внешности, если не считать ямочки на подбородке. Впрочем, кто их, женщин разберёт, что им нравится в мужчинах! А она – стерва, потаскуха, дрянь. Выходит, как он в командировку, Лаперуз тут как тут? Мафуша не случайно говорил, что джип кастрюльного цвета частенько гостил на платной стоянке. Дрянь, потаскуха, сволочь! Все они, бабы... Работает у него в Лаборатории, вернее, работала Тамара Закурдаева, средних лет, МНС. Он и внимания на неё не обращал, как на женщину, ни в Лаборатории, ни во время полевых выездов. Да и некогда было. Работа здесь, работа там. Вокруг люди. Однажды они поехали на Лосиное озеро за двести пятьдесят километров. Он за рулем «Нивы», она сзади, возле сумок и ящичков с экспедиционным имуществом. Лосиное было лакомым местом. Вокруг на десятки километров нетронутый лес со статусом заповедного. Озеро практически не посещалось людьми и вполне подходило в качестве эталонного водоёма. Приехали, расположились. Поставили две палатки. Работали. Готовили на походной газовой конфорке. Спали в мешках. На третий день Тамара Васильевна, когда пришло время укладываться на ночь, как бы невзначай, спросила, не собирается ли Сергей Константинович завтра возвращаться домой? Вопрос прозвучал странно, ведь знала, что предполагалось пробыть на озере до конца недели. Когда он недоумённо вскинул брови, сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.